Амри Р. Шихсаидов

Дагестанские святыни. Книга третья

Серия «Духовный мир дагестанцев»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8673460
Дагестанские святыни: Кн. 3 / Сост. и отв. ред. А.Р. Шихсаидов.: Эпоха; Махачкала; 2013
ISBN 978-5-98390-115-5

Аннотация

Книга посвящена выдающимся явлениям в жизни дагестанского общества, известным городам и культурным, экономическим и административным центрам, объектам культурно-исторического наследия – памятникам письменной культуры, археологии, архитектуры, видным общественным и политическим деятелям.

Представляет интерес не только для ученых – для всех, кто интересуется историей родного края.

Содержание

Предисловие 4
Древнейшие земледельцы Дагестана. Древние города Дагестана 6
Восьмое чудо света – земледельческие террасы на горных склонах 7
«Ворота судного дня» в Дербенте 18
Литература 30
Аулы-столицы: крупные административные и торгово-экономические центры 31
Курах-столица Кюринского ханства 31
Литература 44
Гергебиль – аул-крепость (исторические вехи) 45
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Дагестанские святыни. Книга 3
Составитель А. Р. Шихсаидов

Предисловие

Мы представляем читателю третью книгу «Дагестанские святыни», подготовленную дагестанскими учеными – сотрудниками Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН и Дагестанского государственного университета. В ее создании участвовали видные специалисты – историки, археологии, искусствоведы, востоковеды, литературоведы.

Как и предыдущие выпуски, эта книга посвящена выдающимся явлениям в жизни дагестанского общества, известным городам и культурным, экономическим и административным центрам, объектам культурно-исторического наследия – памятникам письменной культуры, археологии, архитектуры, а также видным общественным и политическим деятелям.

Книга открывается разделом «Древняя земледельческая культура», в котором представлена обстоятельная и концептуальная статья проф. М.А. Агларова «Восьмое чудо света – земледельческие террасы на горных склонах», в которой рассказывается о крупнейшем памятнике и достижении народной агрикультуры, обосновывается мысль о том, что Дагестан входил в число древнейших исходных центров террасных технологий.

Раздел «Аулы – столицы, крупные административные и торгово-экономические центры» включает несколько статей о замечательных дагестанских селениях – Кубачи (А.М. Магомедов), Курах (З.А. Магомедова, М.К Османова) и Гергебиль (З.Б. Ибрагимова). Авторы привлекли много новых и ценных документальных данных.

Богато представлен также раздел «Мир памятников письменной культуры». В статье проф. А.Р. Шихсаидова «Зерехгеранская школа переписчиков» рассказывается о работе профессиональных переписчиков-*катибов* XV–XVII вв. из Зерехгерана, создателях самобытного, самостоятельного и популярного в Дагестане «цеха тиражирования рукописной книги». В статье «“Байан ал-хакаик” – духовный журнал ученых-арабистов Дагестан» А.Р. Наврузов продолжает традицию изучения дагестанской оригинальной периодической печати на арабском языке. Немецкий ученый проф. М. Кемпер посвятил свою статью памятникам обычного права на арабском языке – адатным нормам дагестанских общин XVIII–XIX вв.

Представленный сборник продолжает изучение культовых сооружений Дагестана. Статья проф. М.С. Гаджиева рассказывает об уникальном средневековом мусульманском культовом памятнике «Ворота Судного дня» (араб. *Баб ал-кийама*) в Дербенте, открытом и исследованном Дербентской археологической экспедицией.

Статья З.Ш. Закарияева впервые дает подробное описание двух замечательных памятников культовой архитектуры – Мишлешской соборной мечети XI–XV вв. и Хрюгской соборной мечети начала XVIII в. Их богатые по содержанию эпиграфические тексты, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, воссоздают историю этих памятников культовой архитектуры.

В третьей книге «Дагестанские святыни» впервые открывается раздел «Выдающиеся сыны Дагестана». Н.А. Тагирова в своей статье подробно рассказывает о жизни и творчестве крупного ученого, философа, поэта Гасана-эфенди Алкадари, о его не дошедшей до нас коллекции рукописей. Очерк чл. – корр. РАН, проф. А.И. Османова посвящен героической жизни и трагической судьбе Джелалутдина Коркмасова, выдающегося государственного и общественно-политического деятеля Дагестана и России.

Первая и вторая книги серии «Дагестанские святыни» получили широкую общественную известность, они были отмечены дипломами лауреата на международных книжных выставках в Санкт-Петербурге и Сочи. Книга первая рекомендована Фондом развития отечественного образования «для использования в учебном процессе к переизданию для широкой научной общественности в России и за рубежом». Надеемся, что и очередная книга также не пройдет незамеченной и послужит делу популяризации и ознакомлению широкого круга читателей с Дагестаном и его людьми, с замечательными памятникам культурно-исторического и духовного наследия народов Страны гор.

А.Р. Шихсаидов

Древнейшие земледельцы Дагестана. Древние города Дагестана

Восьмое чудо света – земледельческие террасы на горных склонах

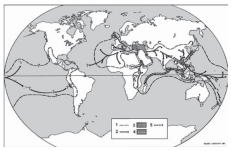
М.А. Агларов

Висячие сады Семирамиды, что называют седьмым чудом света, – только эпизод гигантского пояса искусственных террасных сооружений, опоясывающих земной шар. Настоящее чудо – это земледельческие террасы, опоясывающие земную поверхность. Известно террасирование склонов – одна из наиболее древних, широкомасштабных и мощных форм антропогенного морфогенеза, фактор более превосходящий, чем все иные формы воздействия человека на землю, включая дороги и города. Террасирование горных склонов в целях сохранения и аккумуляции почв, повышения урожайности признано одним из величайших достижений древнего населения наряду с одомашниванием растений и животных. Человек менял гору, но и она обратным воздействием меняла сознание горца, она меняла само общество, сотворившее эту культуру.

Террасное земледелие Дагестана является частью этой великой мировой системы. Еще более интересно то, что Дагестан входит в зону, откуда, считается, распространилась террасная культура по земному шару, то есть является одним из древнейших исходных центров террасных технологий.

Что говорили о террасах Дагестана другие?

При виде террасированных склонов в горах Дагестана в первой половине XIX века, Ф. Боденштадт писал: «… но как вечно не дремлющий человеческий дух стремится к тому, что для него трудно досягаемо, так и лезгины своим искусством, терпением и упорством сумели добиться богатств у своей неплодородной земли, богатств, которые она прячет под кажущейся непроницаемой корой, скал и камнями… эти террасы обрабатываются как нельзя более заботливо и прилежно, их края обнесены фруктовыми деревьями и виноградом. Действительно, можно лишь удивляться искусству, с которым этот народ… сумел превратить неприветливые скалы своей страны в цветущие сады».



Происхождение и распространение террасного земледелия. Карта-схема по Спенсеру:[1] 1. Границы районов распространения террас.

2. Пути распространения террасных технологий.

3. Центры происхождения террасных технологий.

4. Центры происхождения затопляемых рисовых террас.

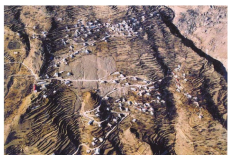
Аналогичное впечатление получил член-корреспондент Венгерской Академии наук Морис фон Дечи, спустившись (1885 г.) из Анди в Ботлих: «В противоположность скалистому окружению, сам Ботлих лежит среди цветущих фруктовых садов, полей и лугов, зате-

[1] Spenser J.E., G.A.Hale.. The origin, nature and distribution of agricultural terrasing. – Pacific Viewpoint, 1962. V2. № 1. – P. 33.

ненный стройными липами, настоящий оазис среди каменного ландшафта Северного Дагестана»[2].

Таких отзывов много, здесь приводятся те, которые наиболее точно отражают картину земледельческого освоения горных склонов. Среди них имеется наиболее выразительное впечатление от этих ландшафтов, преображенных из каменистых полупустынь в сплошные сады, которое записал генерал Я. Костенецкий еще в 1837 году: «Везде скалы, утесы, дичь, глина, камни, нет даже земли. Природа здесь не производит ни одной былинки, а человек назло ей создал такую чудесную растительность, какую трудно иметь и в самых плодороднейших местах… Мы удивляемся голландцам, которые из болота сделали обитаемую страну. Но там образованность, наука, искусство, коммерция, правительство. А загляните в эти горы, и вы действительно изумитесь, увидев среди этих диких и бесплодных гор прекрасные деревни, плодороднейшие и огромнейшие сады»[3]. Это была военная экспедиция через Леваши, Хаджалмахи, Гергебиль.

Закончим отзывы заключением, что дал выдающийся генетик и растениевед академик Н.И. Вавилов, открывший и изучивший крупнейшие мировые центры происхождения культурных растений: «В Перу и Боливии и у нас в Дагестане можно видеть интенсивную террасную культуру, идеальное использование для культуры рельефа гор, максимальное использование каждой пяди земли для земледелия. В Дагестане, около Ботлиха, можно видеть изумительное террасное земледелие, расположенное применительно к рельефу, огромными амфитеатрами. Вряд ли можно лучше использовать землю, чем это делают в Дагестане»[4].



Малый Гоцатль (вид сверху). Фото Х.-М. Зургалова. 2009 г.

Как строили и формировали террасы?

Труд, который вкладывали в создание террасных полей, известный ученый Х.-М.О. Хашаев называет нечеловеческим[5]. Поля, созданные таким трудом, строились, по сочному выражению моего собеседника из Ирганая: «Цояз мугъалда чIван, цогидаз чехьалда чIван гохIде гамачIги баччун», то есть: «Кто на спине, кто на животе поднимая камни в гору».

Игалинский садовый оазис зимой 2008 г. Фото автора

Террасирование склонов происходило, как а) отдельное строительство террасы на подпорных стенах и б) создание горизонтального поля (полей) на склоне горы путем его пропашки.

---

[2] Шихсаидов А., Агларов М. Семь путешествий Мора Дечи. «Советский Дагестан». 1970. № 5. С. 69.

[3] Инхоса Пали-ХIажи. Асарал (на авар.). МахIачхъала, 1995. -С. 50.

[4] Вавилов Н.И. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // «Природа». 1936. № 2. – С. 80.

[5] Хашаев Х.-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961. – С. 85.

Террасные поля на подпорных стенах (первый тип) представлены двумя подтипами: узкополосные (обрабатываемые вручную) и широкополосные, т. е. с обширной полезной поверхностью (где применяют пахотное орудие)[6].

Узкополосные террасные поля на подпорных стенах шириною не более двух-трех шагов и разнообразной длины приурочены, как правило, к крутым от 30 до 60–70° склонам долин больших рек и их притоков, а иногда к почти отвесным скальным обнажениям. Их создают рытьем склона горы обыкновенными кирками и лопатами, добывая камень, который сразу же идет на строительство подпорных стен. Кладка стены сухая с использованием щебня и земли.

Иногда встречается «циклопическая» кладка (с. Игали) с использованием огромных каменных глыб. Устраивают лестницы в стене, чтобы взобраться на поле, или специальные наружные выступы для той же цели. В окрестностях Согратля зафиксированы террасы со сводчатыми нишами в подпорных стенах. При строительстве таких полей учитывают сложную систему водоподачи и с террасы на террасу, строя облицованные отводы, а в стенах своеобразные каменные сифоны и водосливы. Промежуток между склоном и стеной заполняется землею, вырытой со склона, а поверхность в самом начале настилается плодородной землей, принесенной со стороны и специально удобренной. Ею же заполняют ямы, вырытые для посадки фруктовых деревьев. Последующее окультуривание почв происходит путем систематической тщательнейшей обработки и удобрения (главным образом органических сочетаний с зелеными удобрениями), и основную роль играет орошение, которое заносит на поле обновляющие почву частицы. Почвы на этих полях, таким образом, целиком антропогенны и резко отличаются по своим свойствам от естественных, зональных.

Население Хиндалала среди этих узкополосных террас выделяет еще две разновидности: 1) къадал, в которых ширина поверхности равна приблизительно высоте подпорной стены. Названий таких полей множество в диалектах, само название «къадал» значит «стены», называют их еще «персал», что значит «скалы». В Ирганае этот же тип называют словом «кьирдул», что на аварском ничего не значит, но этимологизируется, похоже, с андийского: «кьир» – по-андийски «мост», «кьир-дул» – «мосты». Сами андийцы такие террасы называют «кIалибол», что значит «ступеньки». У даргинцев «тIалтIи» («тIал» – «опора»)[7].

Другой подвид узкополосных террас – это такие поля, когда поверхность поля очень узка (не более одного-двух шагов в ширину) и значительно уступает высоте подпирающей эту поверхность стены. Их араканцы называют «чIваял» (значение слова близко к понятию «налепить», «прислонить»).

Виноградные террасы Читля. Ныне заброшены

На таких полосках разводят большей частью виноградники, реже – другие садовые насаждения. Для посевов они серьезного значения не имеют, хотя здесь все же сеяли просо, фасоль, кукурузу. В Голотле зафиксирован случай, когда методом узких полос под садовые насаждения освоены не только обычные горные склоны, но и травянистые межевые откосы

[6] Сказанное не относится к мунинским садам и полям, где вообще не применяли пахотное орудие, считая его работу грубой для тщательной обработки своих изумительно ухоженных полей-садов.

[7] Османов М.О. Географическая среда и производящие формы хозяйства (по этнографическим данным) // Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя. – М., 1974. – С. 71.

обширных террасных полей. Устроенные вручную террасы на подпорных стенах распространены по бассейнам Андийского Койсу до его верхнего течения (последний пункт с. Цумада); Аварского Койсу до районов Гидатля и Келеба, Казикумухского Койсу до Цудахара, Каракойсу до Гилиба (со значительными перерывами) между Гунибом и Цурибом; по Сулаку были сосредоточены до Миатли и (единично) Бавтугая. Они взбираются в горы достаточно высоко и по притокам указанных рек. Большей частью эти террасы орошаемы и заняты горно-долинными садами. Впечатляющие лестницы подобных сооружений мы видим в окрестностях с. Ицари, на подступах к Согратлю и Гоцатлю.

Террасные поля на подпорных стенах с обширной поверхностью – второй вид полей на подпорных стенах, называемый у аварцев «хур», у даргинцев – «хъу», у лезгин, лакцев – «хъу». Эти поля, хотя одинаковые с узкополосными по конструкции, различаются по технологии строительства. Поля расположены на более или менее плоской поверхности речной поймы и формируются путем заграждения определенных участков от разливов самой реки. Такие участки, впрочем, очень часто уносятся во время бурных разливов реки. Орошаемая часть имеет тенденцию к довольно быстрому затоплению илом и почвами, наносимыми сюда с окрестностей и изредка разливами, но в основном ирригационными и дождевыми намывами. Поле становится максимально плодородным (ил), когда разливы до поля уже не доходят и почвенная поверхность стабилизирована. Ирганайская, Гергебильская и Хаджалмахинская долины дают наиболее классические примеры борьбы за землю в поймах.

Террасные поля этого же типа разработаны еще на конусообразных выносах притоков рек и на пологих склонах. Они расположены на невысоких подпорных стенах с обширной поверхностью (порою до 1 га). Ведущую роль в формировании этого подвида играла антиэрозийная каменная кладка, которая укреплялась из сезона в сезон и строилась каждый раз чуть выше поверхности террасы. Противоэрозийная кладка задерживала дождевые, ирригационные и механические перемещения почв при их обработке.

Внимательный исследователь, почвовед С.В. Зонн пишет, что «все они (почвы) распределены на искусственных террасах, благодаря чему мощность их увеличивается вниз по склону, а в пределах одной террасы от начала к окончанию ее». Это следствие постепенного перемещения почв вследствие механических процессов, происходящих на поверхности поля во время земледельческих процедур. Почвы на разбираемых видах полей культурно-полевые, им характерна хрящеватость, они более каменисты и менее глинисты. Созданы руками человека «то переносом мелкоземлистой массы на террасированные участки, то кольматажем отдельных участков, наконец, длительным окультуриванием бывших на таких местах естественных почв путем постоянного перемешивания с навозом и золой, аллювиальными наносами и выборкой камней». Здесь вспоминаю, как говорят инховцы: «ГІадамаца хур бижизабула, нижеца ракь бижизабула» («Другие выращивают урожай, мы – почву»). Английский путешественник и писатель Уркварт пишет то же самое о Ливане: «Повсюду человек обрабатывает почву, а здесь он ее создает; повсюду итог – урожай, а здесь – почва»[8].

Итак, обширные днища рек в районе Хаджалмахи, Гергебиля, Муни и Ботлиха освоены методом заполнения предварительно подготовленных ячеек («оросительных единиц») или того или иного участка, подготовленного к орошению, почвами, наносимыми ирригационными водами. Ирригационные воды брались из основной реки (редко)или с притоков, относительно и весьма эффективно от дождевых потоков (Ирганай). При этом шло постоянное вековое наступление «мегъа», то есть «обработанной части ареала», на русло большой реки, сужая русло ее могучих разливов. Если каменные ограды и ячейки оказываются не унесенными очередными ударами весеннего разлива реки или боковыми притоками, то они непременно после залива оказываются заполненными землей и щебнем – отличной основой

[8] Urqvart D. T e Lebonen (Mourt Syria). A History and Veary. – L. 1860. V. I. – P. 1.

для почв, заносимых прежде всего тщательно продуманной ирригацией, методом ячеечного затопления.

Стены этих полей как межевые еле возвышаются над поверхностью, но глубоко посажены в наносную землю, а порою вовсе скрыты. На мунинских садовых полях, которые кажутся ровными, стены еле выступают над поверхностью, они высокие, до 2-х и более метров, погребены в аллювиальное и выровненное, искусственного распределения (орошением), мощное почвенное образование. Информаторы говорили, что в мунинском «мегъе» от стен видна только приблизительно одна седьмая часть, что они глубоко погребены, как «эшелонированная оборона» от речных бурных разливов. Такой способ освоения днищ плоскодонных долин в его полном выражении и гигантском масштабе, на основе которого была создана и сформировалась Южно-Аравийская цивилизация, мне довелось исследовать в верховьях вади Амд Хадрамаута[9].

В основном рассматриваемый вид террас используется под всевозможные культуры и садовые насаждения. Интенсивная эксплуатация этих полей за короткое горное лето заключается в том, что на террасах практикуют двух-трехъярусное земледелие – смешанные посевы разнородных культур (просо-бобовые-кукуруза; кукуруза-фасоль-огородные и т. д.), дополненные фруктовыми деревьями по краям полей. Расположенные на склонах, эти поля получают намного больше солнечного света, чем на ровном месте, что и использовано земледельцами при практике многоярусных посевов.

Склоны гор, террасированные с помощью каменных подпирающих поле стен, производят незабываемое впечатление гигантских каменных лестниц – результат огромного человеческого прилежания и труда. Садовые насаждения на каменных террасах придают особенную окраску земледельческому пейзажу. Террасированный «мегъ» с ирригационными каналами, акведуками, искусственными водохранилищами, дорогами, проложенными на каждую пашню-террасу, являлся застройкой с единой структурой, обеспечивавшей этому преобразованному ландшафту цельность. Такое впечатление создается еще и потому, что размещение и взаиморасположение всех названных компонентов были оптимальными, ирригация – централизованной и легкоуправляемой.

Санал (авар.) – межи, гьанна (лак.) – откосы, особенно в орошаемой части или на западных склонах, представляли собой первоклассные сенокосы. Хозяин террасы пользовался откосом не собственной террасы, а тем, который служил «экраном» его поля, т. е. межевым откосом верх ней террасы, принадлежавшей уже другому хозяину. Забота о подпорных стенах террасы, выходящих как на «соседа сверху», так и на «соседа внизу», была делом той группы владельцев, которая имела к ним отношение, а иногда и отдельных землевладельцев, ибо ливневые прорывы на одних участках угрожали и расположенным далеко внизу полям.

Террасированные участки, расположенные в местах возможного ливневого прорыва, устраивали особенно прочно, порой на циклопической кладке. В окрестностях сел. Игали мною обмерены и сфотографированы террасы, стены которых построены из огромных многотонных каменных глыб, уложенных друг на друга. Подобные сооружения требуют усилий многих людей, каковыми являлись не только владельцы расположенных ниже участков, но и все общество. Экономическое благосостояние каждого из членов было важным фактором ее жизнеспособности в целом, оно поддерживалось общиной, если не строилось в ущерб общественным или частным интересам. Поэтому участие общества в любом строительстве индивидуального назначения и принадлежности рассматривалось как дело всей общины.

[9] Агларов М.А. Хиджли верховий Хадрамаута. Резюме доклада на конференции // История взаимодействия общества и природы. – М., 1990.

Кудалинские «пирамиды». Фото Р. Магомедова. 2010 г.

Террасные поля между Кахибом и Гоором. 2009 г.

Как орошались террасные поля?

Террасы, особенно в бассейнах основных рек, орошались притоками больших рек, ручьями, водами речек, дождевыми потоками. Сложность горного рельефа, крутизна склонов, скорость, сила потоков диктовали горцам самые разнообразные устройства и приемы акведуков, которые по рациональности, а иногда по сложности инженерных решений сродни террасным технологиям.

Еще до затопления Чиркея в 1965 году мною сфотографирована последняя функционировавшая дамба-плотина, от которой отводилась вода в каналы. Чиркеевцы с помощью каскада дамб-плотин подняли из ущелья воду не менее чем на 30 м по вертикали, благодаря чему смогли разбить сотни гектаров орошаемых садов. Такая развитая каскадно-дамбовая система преграждения речки, кроме как в Чиркее, нигде не зафиксирована, хотя в более простых вариантах она спорадически встречалась по всей зоне Хиндалала.

Плотина для подъема воды в ирригационные каналы в Старом Чиркее. Построена на средства генерала Пазулава (XIX в.). Фото автора. 1965 г.

Головные каналы строились наиболее тщательно. Они обсаживались ивой, липой, тополями и прочими насаждениями, чтобы затенить и предохранить воду от излишнего испарения. Жители долин (хиндалалы) часто устраивали закрытые каналы. Там, где сильно дорожили землей или вообще хотели исключить потери земли и воды от испарения, строили подземные крытые каналы. Такова почти вся оросительная система урочища Буцрах. Облицованные и крытые каналы проходили по улицам аулов. Если аулы оказывались на пути проведения воды от источников на поля (с. Голотль), каналы проходили под жилыми домами или прямо по жилому помещению чьего-либо дома (Чиркей), что летом давало приятную прохладу. В домах чиркеевцев они, естественно, также были крыты, но устраивались небольшие закрывающиеся люки, открыв которые, можно было насладиться прохладой, красотой и шумом быстро текущей воды.

В Игали, в местности Лъенсори, существует тоннель из-под горы, по которому вода переброшена в соседнее ущелье. Особое впечатление оставляет подземный, вернее, внутрискальный канал в Цудахарской долине на Ташкапурские поля. Тоннель протяженностью 500–600 м в рост человека пробит внутри скалы. Такой же канал в Чиркате.

Воду в горах перебрасывали самыми незатейливыми, но очень искусными каналами на скальной глади или с помощью сточных деревянных желобов, легко разбираемых. Выдолбленный деревянный желоб, устроенный на каменном или деревянном подпорном сооружении, где желоб соединялся с другими такими же, обеспечивал горцам переброску воды порою в очень сложных условиях и на значительные расстояния. Классической конструкции акведуки можно было видеть единственно в Старом Чиркее.

Акведук, сначала подающий воду непосредственно в жилые камеры для прохлады, затем на поля. Старый Чиркей. Фото автора. 1965 г.

Д.Н Анучин, видевший акведуки в с. Хаджалмахи, отмечает: «Около аула достоин внимания водопровод, доставляющий воду по трубам и желобам с другой стороны реки на довольно значительное расстояние с гор.

Акведуки Старого Чиркея. Фото автора. 1965 г.

Такие искусственные системы орошения устраиваются жителями часто весьма искусно, при помощи простых приспособлений, на общественный счет» (Анучин. 1882).

Облицованный крытый канал в игалинских садах. Фото 1965 г.

Деревянные акведуки в гимринских садах. Фото автора. 2005 г.

«В Дагестане вода проведена не в долины, только случается видеть отводы воды еще высоко в горах. Нередко туземец ведет воду с одной высоты на другую даже через целое ущелье, в деревянных желобах, почти висящих на воздухе, на балках и высоких подставках. Иногда же ведут воду под землей в трубах», – пишет П. Надеждин, видимо, имея в виду керамические трубы (Надеждин П. 1895. – С. 63). Подземные облицованные каналы,

протянувшиеся на несколько километров, протянуты по верхнему (левобережному) горизонту игалинских полей «Буцрал». По линии канала (поверх канала) проложена пешеходная тропа в целях экономии в этих местах земли. По размаху строительства, инженерной точности и оригинальности замысла удивляет канал, проведенный сквозь скалы в Цудахарской долине. Неизгладимое впечатление оставили чиркеевские акведуки, подводящие воду сначала в жилища отдельных кварталов и затем на густозасаженные садами террасные поля. Но Старый Чиркей с его террасной агрикультурой лежит ныне на дне искусственного моря.

Кородинские каналы-акведуки проложены на многие сотни метров по вертикальным скальным обнажениям и перебрасывают воду через глубокие ущелья. Подобную же картину можно видеть на подступах к Цудахару.

Современная эпоха вносит свои коррективы и в этой области. Железо и бетон значительно облегчают и улучшают методы водоподачи на расстояния, особенно водокачка насосами.

Водораспределение осуществлялось закрытием или частичным закрытием стоков дерном, доской или камнем, и осуществлял это тот, чья очередь на полив. В некоторых аулах встречались специальные сооружения для проживания специально выделенного человека, который следил и распределял воду. В с. Гергебиль, там, где кончается главный канал (длиной 800 м) и осуществляется непосредственная подача воды на поля, имеется сооружение «Лъел КIалтIу» («Ворота воды»), откуда смотритель – «магъуш» – распределяет воду на 16 дополнительных каналов, расходящихся от головного канала. Должность распределителя в старину оплачивалась из общинной казны, в советское время – за трудодни.

Уровень воды в канале обычно определялся сравнительными пометками на стенах каналов – общее количество воды измерялось временем, вычисленным относительно понятия единицы водоизмещения – «борозда» – «канал». Одна «борозда» вмещала воду, достаточную для работы водяной мельницы. Например, «головной» канал Гергебильских садов вмещает 15 «борозд» воды. У разных обществ или народов встречались и другие единицы измерения. В Хаджалмахи, например, употребляли термин «иркла», которым обозначали рукав от главного канала. В общем же по Дагестану понятие «канал» – «борозда» было наиболее распространенной величиной.

Переброска воды через ущелье. Наверху тоннели-каналы. Гергебиль. 1967 г.

Вода считалась общинной, субъектом права на воду выступало общество, а частное водовладение в горах не известно. Поэтому сооружение, очистка и ремонт каналов делались сообща, по решению старейшин, о чем объявлял глашатай. Все население в объявленное время со своим инструментом выходило на строительство канала (равно на очистку и ремонт). Строительство стен, акведуков и их ремонт поручалось делать мастерам. А остальные подручные работы, как и рытье канала, поручались всем, разбив линию, на которой собираются проложить канал. Не вышедших на ремонтные работы штрафовали по тарифам, принятым в каждом обществе. Отъезд (т. е. отсутствие в селении) во время ремонта не принимали в расчет (с. Голотль), так как глашатай объявлял, чтобы в сезон ремонта никто не покидал селение по какой бы то ни было надобности. Если все же кому-то нужно было уехать, он должен был оставить за себя человека, который выполнил бы его работу. Глашатай в Ирганае объявлял, чтобы все мужчины и женщины вышли на починку «Апарагадул

Рахъ». Работа на главных каналах распределялась по жребию. Ремонт и расчистку ответвлений выполняли владельцы тех земельных участков, куда поступала вода по тому или другому ответвлению. И, наконец, тот участок канала, который непосредственно подавал воду на поле того или иного владельца, ремонтировался непосредственно хозяином поля.

Специальных инструментов для рытья, расчистки и обработки каналов горцы не имели – в дело употреблялись обычные кирки, ломы, лопаты, ручные повозки. Соответственно всем обществом устраивались и водохранилища, которых было не очень много. При современном расширении земледелия и садоводства в горных долинах водохранилища строили глубокие и добротные (использование экскаваторов и цемента). Они в 60– х годах появились в окрестностях Заиба (Хунзахский район), Ботлиха (Ботлихский район), Голотля (Советский район) и др.

Оросительные порядки и законы. Орошение проводили два раза – весной и летом. Весенний полив осуществлялся после ремонта каналов, ранней весною, до пахоты поля. Перед весенним поливом разбрасывались удобрения. Их завозили на поля еще в конце зимы, которые лежали кучами. Очередь на весенний полив устанавливалась по ряду полей от головного канала – «сначала ближайшие, затем дальние».

Летний полив практиковался до конца лета, т. е. до начала созревания культур, и начинался весной же, вскоре после пахоты.

В селении Гимры очереди на воду устанавливали по сельскому ряду. Каждое хозяйство по очереди могло пользоваться водою лишь в течение четырех часов, по истечении которых вода переходила в распоряжение следующего хозяйства. Количество пахотных угодий, принадлежащих владельцу, которому отведено 4 часа полива, не учитывалось. Поэтому случалось, что безземельные и малоземельные крестьяне продавали свою очередь по аукционным ценам. Единицей измерения воды служила «мельничная вода», т. е. количество воды, достаточное для работы одной мельницы обычной конструкции. Если случалось, что кто-нибудь не получал воду за летний сезон, то в следующем году очередь начинали с него. В Гимры ночная вода («сар-дил лъим») находилась в распоряжении сельских правителей и являлась как бы страховой. Если сельские исполнители обнаруживали, что чей-либо участок выгорает, то ему предоставляли воду для полива ночью.

В селении Игали порядок водопользования иной. Здесь в качестве меры измерения воды употребляли понятие «дад» (дад – в то же время название керамического сосуда для сбивания масла). Дад равнялся как оросительная единица количеству воды, протекающей через головной канал в течение одного дня. Следующая, меньшая единица – «гIеретI» (аварское название кувшина для носки воды), равная количеству воды, протекающей 1/8 дня. Следующей дробной единицей было «къоло-ниункъ»[10]. Она равнялась количеству воды, протекающей по головному каналу в течение 1/16 дня. День делили на 4 «дад» по солнечным часам. Первый дад – это когда солнце взойдет и осветит близлежащую вершину «хIуллиса», второй дад – когда солнце осветит годекан[11]. (На годекане имеется помещение с навесом, освещение которого имеется в виду). Третий дад – когда солнечные лучи осветят самую нижнюю часть внутренней стенки под навесом указанного сооружения на годекане. Четвертый дад – когда тень закроет ту же вершину «хIуллиса». В ненастные дни положение солнца определяли по прочим приметам, даже по тому, куда дошло стадо скота, отправленное на пастьбу с пастухом. Определение более дробных единиц («гIеретI», «къолониункъ») происходило по солнечным часам (навес со столбом, на котором имелись деления), установлен-

[10] Къолониункъ – этнологизируется как четверть мерки, что соответствует «сахIу» для сыпучих тел, къолониункъ – вероятно, другое название саха.

[11] Годекан – общественная площадь (лобное место).

ным на годекане. Водораспределителям в поле об истечении времени пользования водой давали знать сигналами с минарета – днем размахивая буркой, ночью – светом фонаря.

Распределение воды в Игали было столь сложным делом, что были введены три должности, оплачиваемые обществом. Их занимали лица, разумеется, известные своей справедливостью, но главное – искушенные в тонкостях этого дела и грамотные. Занимающий первую должность «лъел бетIергьанчи» (что значит «глава воды») обязан был следить за соблюдением условий пользования водой и улаживать конфликты, нередко возникающие на этой почве. Второе должностное лицо «лъел миллат гьабулевчи» (букв. «тот, кто обязан следить (заботиться) о воде») обязан был знать, где и у кого находится вода, сроки водопользования данным хозяином участка, состояние каналов и обеспечивать своевременный отвод воды от одного к другому землевладельцу. Третья должность называлась «таптар ккуравчи» («хранитель книги»). У него находились записи – сведения о пашнях, подлежащих орошению, с указанием количества и размеров пахотной земли, принадлежащей тому или иному земледельцу. Он располагал также таблицами часов и пр., вносил те или иные коррективы, связанные с изменениями в землевладении или топографии оросительных каналов. В таптаре, то есть в «книге записей», было высчитано и установлено количество воды, необходимой для орошения полей того или иного владельца, в измерениях, приведенных выше. Соответственно в с. Игали сложилась практика определения площади пахотной земли по единицам измерения оросительной воды «дад», «гIеретI», «къолониункъ».

Кроме как в Дагестане, так и на Кавказе подобный порядок измерения пахотных площадей нигде не известен. Из «дальних» аналогий можно указать на Индонезию, где у народа Бали единицей «тенах», под которую обычно нанимают территорию, орошаемую одним отводом от основного канала, исчислялись величины участков, размеры налогообложения и пр.

Нужно отметить измерение площади земли, исключительно дорогой в прошлом для горцев[12]. Количество воды, отпускаемой для ее полива, было возможно лишь при стандартности употребления воды на единицу площади. Такой же учет в практике, как при севе того или иного участка, размер которого в Дагестане определялся количеством зерна, употребленного для его полного засева.

Очередность на воду в Игали была зафиксирована списками в упомянутом «таптаре». Притом очередность в списках была составлена по земельному цензу.

Более крупные землевладельцы возглавляли список, а бедные и беднейшие – замыкали. Однако фактической привилегии возглавлявшие списки в первоочередном получении воды не имели, так как список очередей вступал в силу после жеребьевки между четырьмя лицами, выбранными с четырех частей аула. Все четыре участника должны были обладать условиями, отвечающими цензу, – каждый из них должен был иметь участок земли не меньше, чем на один «дад», т. е. площадью, которая была бы достаточна для орошения водами главного канала в течение суток. Имя победителя в жеребьевке считалось отправным при распределении очереди по спискам.

Например, пусть список составлен по земельному цензу: 1-й – самый крупный землевладелец, за ним следующий 2-й… 20-й, 21-й, 22-й, 23-й, 24-й; 100-1 и последние в очереди 200-й, 201-й, 202-й. Победителем жеребьевки мог оказаться любой, например, 20-й или 200-й (если только был допущен к жеребьевке из-за земельного ценза). Тогда первым воду получал 20-й, затем 22-й и т. д. Если победил 200-й, очередь получал 200-й, 201-й, 202-й последний, 1-й, 2-й и т. д. Очередь, таким образом, начиналась с победителя, а положение в списке не давало никаких привилегий.

[12] Стоимость одной десятины в горах доходила до нескольких тысяч рублей (Анучин. 1884. – С. 399).

Но привилегия для богатых была в другом. Когда очередь наступала, скажем, богатого землевладельца, земли которого по Игалинским нормам составляли, например, 8 дад, он получал воду в течение 2-х суток (1 дад = $^1/_4$ суток), а землевладелец с землею в 1 дад получал воду в течение суток, т. е. вода оставалась у богатых лиц до полного полива их земель, что задерживало поступление воды на земли других стоящих в очереди. В с. Гимры, как уже говорилось, воду никто не мог держать более 4-х часов.

Совершенно иная картина сложилась в Гергебиле. Распределение воды, как и всюду, происходило по жеребьевке. Для жеребьевки село делится на четыре части соответственно четырем авалам.

Во время жеребьевки уравнивали людей по всем авалам так, чтобы каждый авал включал четверть населения. Затем в каждом авале люди делятся на еще более мелкие группы, примерно по 25 человек. Эти последние группы называются «рикьи» (от слова «рикьизе» – делить). Число «рикьи» равняется числу основных каналов (рахъал), расходящихся от главного канала у «магъил кIалтIу» («ворота пашен»).

Магъил кIалтIу. Гергебиль. Фото автора. 1968 г.

В Гергебиле пятнадцать основных оросительных каналов и соответственно пятнадцать рикьи. Внутри каждого рикьи проводят жеребьевку, предварительно пронумеровав по порядку. Если победитель окажется по порядковому номеру 4-й, очередь на дневную воду получают 5, 6, 7… 25, 1, 2, 3… 25 и т. д. по кругу, по возрастанию порядковых номеров, а на ночную воду – 4, 3, 2, 1, 25, 24… и т. д. в обратном порядке. Соответственно все лето в этой группе (рикьи) очередь на воду идет по кругу, где каждый на общей очереди получает то ночную, то дневную воду. (Если условно номера очередей изобразить графически в виде круга, то дневная очередь идет по часовой стрелке, а ночная – против часовой стрелки).

Оросительные порядки настолько продуманы и опробованы, что функционируют и сегодня.

Будущее не известно.

«Ворота судного дня» в Дербенте

М.С. Гаджиев

Средневековый Дербент (араб. Баб ал-абваб), особенно в домонгольский период, в VIII – начале XIII века, являлся одним из важнейших исламских центров Кавказа и всего мусульманского мира. Это обусловило и расположение здесь не только большого числа мечетей во главе с центральной соборной Джума-мечетью (араб. Масджид джами), возведенной в начале VIII века, но и немалочисленных иных почитаемых культовых исламских объектов. Этому способствовало и раннее проникновение и последующее упрочение здесь позиций суфизма – мистического направления в исламе. До нашего времени в Дербенте сохранилось несколько почитаемых мусульманами «святых мест» (пиров), среди которых следует назвать, прежде всего, знаменитое средневековое кладбище Кырхляр (в переводе с тюркского «Сороковник»; перс. *Чэхэл танан* с тем же значением), где покоятся газии-шахиды XI–XII вв., и скальный выход Дюльдюль Али, на котором, по преданию, остались следы копыт коня (по кличке араб. *Дулдул*) «праведного» халифа Али (ум. 21.01.661) во время его посещения Дербента.

Но в данной статье речь пойдет о другом культовом памятнике, который являлся одним из наиболее почитаемых мусульманами объектов в средневековом городе и который был вновь выявлен только в наши дни. Еще в XVIII–XIX вв. он был известен под названиями *араб.* Баб ал-Кийама, *тюрк.* Кийамат-капы, *перс.* Дар-и Кийамат, что в переводе значит «Ворота Судного дня» или «Во рота Воскресения». Местонахождение этого средневекового, ныне забытого и не функционирующего, мусульманского культового места не было известно. Его местоположение около башни № 50 северной городской оборонительной стены (с наружной стороны, за пределами средневекового обживаемого города-*шахристан*а) (рис. 1) было установлено на основании сопоставления сведений письменных источников и расположенных на данном участке стены и башни многочисленных вырезанных знаков и известной персидской надписи 814 г.х./1412 г. о строительстве здесь «благословенного здания».

Рис. 1. Дербент. Культовое место Баб ал-Кийама

Рис. 2. Дербент. Культовое место Баб ал-Кийама. Надпись 814 г.х./1412 г. о строительстве «благословенного здания»

Текст этой надписи гласит (рис. 2):

Нет бога кроме Аллаха, Мухаммад посланник Аллаха. Это благословенное здание построено во время правления эмира Исфандийара, – да сделает его Аллах владычество

вечным! – рабом [божьим] Хаджа Рукн ад-Дином б. Хаджа Наджм ад-Дина. Восемьсот четырнадцатого года.

Впервые название этого культового объекта в арабской форме Babul-Kyiamet было зафиксировано князем Дмитрием Кантемиром, который во время Персидского (Каспийского) похода Петра I возглавлял походную канцелярию императора, в конце августа – начале сентября 1722 г. вместе с ним пребывал в городе и положил начало изучению эпиграфики Дербента. Идентификация Babul-Kyiamet, упомянутого Дм. Кантемиром, с данным местом стала возможной благодаря приведенным в его дневнике зарисовкам зафиксированных им нескольких знаков, расположенных «на маленьких под земных воротах, которые местные жители называют Babul-Kyiamet». Эти знаки на стене сохранились до настоящего времени.

Это же название отмечено А.К. Бакихановым в 1841 г. в его «Гюлистан-и Ирам», который сообщает, что упомянутая выше надпись 814/1412 г. эмира Ис фандийара находится «на Дербендских воротах, называемых Кийамат». Генерал А.В. Комаров, проходивший службу в Дагестане в 1870-х гг. и также сообщающий об этой надписи, приводит на плане Дербента название башни, на которой она вырезана – *Дар Кийама бурджи* «Башня Ворот Кийамат». Причем здесь мы имеем уже персидскую форму на звания этих ворот. Персидское наименование этого объекта фигурирует и в заметке, написанной, видимо, А.В. Комаровым и опубликованной в «Известиях Кавказского отделения Русского географического общества» в 1872 г.: «Деры-Киамет находится в се верной стене против городского сада…».

Здесь во время моих обследований оборонительных укреплений Дербента было обнаружено свыше 40 вырезанных знаков. Причем большинство врезных знаков представляли собой различного типа изображения дуги-арки, а несколько специфических символов являются знаками строителей города середины VI в. Это одно из самых многочисленных скоплений знаков на стенах Дербента (наряду со знаками, высеченными на стенах центральных ворот Орта-капы южной городской стены). Сама стена вокруг арки в оборонительной стене рядом с башней буквально «усеяна» сотнями, вбитыми в нее до конца, железными гвоздями, как коваными средневековыми ремесленного производства, так и фабричными XIX – начала XX вв. Здесь же, на куртине и башне, мной были выявлены три арабские надписи XI–XIII вв.: одна из них состоит из одного слова, выведенного почерком *куфи – масджид* «мечеть», вторая – написана курсивным *насхом* и представляет собой фразу человека-*суфия – «Йа, 'Али, дервиш Садик»* (рис. 3), третья – плохо сохранилась и не разобрана. Надписи датируются по палеографическим особенностям XI–XIII вв. Начальная фраза второй надписи («Йа, 'Али…») является характерным восклицанием, обращением к имени 'Али б. Аби Талиба – двоюродного брата и зятя пророка Мухаммеда, четвертого «праведного» халифа, особо почитаемого и обожаемого шиитами как святого и героя, «идеального рыцаря ислама», по выражению И.П. Петрушевского.

Рис. 3. Дербент. Культовое место Баб ал-Кийама. Надпись дервиша Садика

Здесь следует отметить, что в знаменитом сочинении «Рай-хан ал-хака'ик ва бустан ад-дака'ик» (досл. «Базилик истин и сад тонкостей») рубежа XI–XII вв. местного суфийского автора Абу Бакра ад-Дарбанди (ум. в 539/1145 г.) много ссылок на высказывания ʻАли б. Аби Талиба, а в разделе о «разрядах» суфийских святых (*табакат ал-аулийа'*) этого сочинения вместе с суфиями фигурируют и шииты.

Указанные надписи, в особенности надпись 1412 г. о строительстве «благословенного здания» (т. е. мечети или пира-зиярата) и надпись дервиша Садика, немалочисленные вырезанные знаки-символы, а также многочисленные забитые в стену гвозди с очевидностью указывали на нахождение в этом месте средневекового исламского культового объекта. На это указывало и ныне забытое на именование его – араб. *Баб ал-Кийама*, перс. *Дар-и Кийамат*, тюрк. *Кийамат-капы* («Ворота Воскресения» или «Ворота Судного дня»), зафиксированное в источниках XVIII–XIX вв.

Старожилы Дербента не помнят этого названия, как и место на хождение здесь культового места. Лишь в 2002 г. я нашел информатора (Сюват Султанов, 1920 г.р.), который сообщил, что в конце 1920-х гг. здесь, у выступавшего из земли арочного свода, находящегося в углу куртины, у ее стыка с башней, располагалось почитаемое место (*пир*), носившее азербайджанское наименование *Бурунджпир* («Угловой пир», т. е. пир, расположенный в углу, на изгибе) и своим названием соответствующее местоположению. По сообщению информатора, здесь собирались мусульмане-шииты перед паломничеством в Кербелу (Карбала или Машхад ал-Хусейн) – одну из главных шиитских святынь и, обращаясь к Все вышнему в молитвах, просили его о помощи. О недавнем использовании этого места в культовых и обрядовых действиях свидетельствовали и многочисленные гвозди фабричного производства XIX – начала XX вв., забитые в стену, очевидно, с той же благопожелательной целью. В Дагестане этнографами зафиксирован обряд забивания гвоздей в дерево, землю с надеждой на божественную помощь, в частности, в избавлении от болезней, недугов, но подобная вариация его не была известна.

Обращу внимание также на то, что местоположение этого культового места вплотную с оборонительной башней перекликается с сообщением Абу-л-Касима ал-Варрака ал-Баби, которое передает его ученик Абу Бакр ад-Дарбанди: «Среди башен городской стены нет ни одной, в которой не было бы хотя бы одного из божьих святых (*аулийа' Аллах*)».

В 2002–2004 гг. Дербентская археологическая экспедиция Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН и Дагестанского государственного университета провела раскопки на данном месте (работы проводились по грантам Российского гуманитарного научного фонда, проекты № 02-01-18043е, 03-01-18030е, 04-01-18067е, и Федеральной Целевой программы «Интеграция», проект № Э0148). И полученные в ходе их материалы подтвердили предположение о культовом, по читаемом характере данного объекта и позволили выяснить в определен ной степени его внешний облик, время функционирования, обрядовую специфику.

На заложенном раскопе (площадью ок. 60 кв. м) было вскрыто 8 культурных слоев (общей мощностью до 2,9–3,4 м), датируемых в диапазоне сер. VI – сер. XX вв., выявлены архитектурные остатки, включающие стены и столбы ограды этого культового объекта, определено время его функционирования с X–XI вв. и вплоть до начала XX в. Площадь огражденного подпрямоугольного участка (размерами ок. 6,7х5,2 м), расположенного в углу у стыка башни и куртины, составляет ок. 38 кв. м (рис. 4, 5, 6).

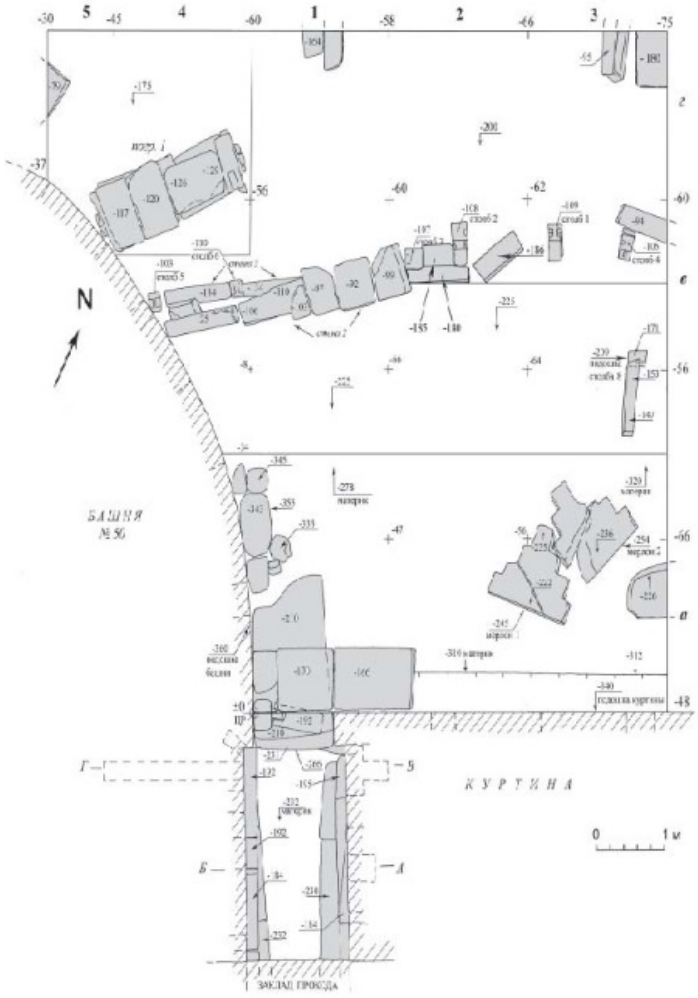
Проход (шириной 50 см) в культовое место и к оборонительной стене оформляли хорошо отесанные плиты по рога и два фигурных столба ограды (рис. 7, 8), близких по стилю базам колонн мечети XII–XIII вв. в сел. Хив (Табасаранский район Республики Дагестан). На одном из столбов этой мечети сохранилась арабская строительная надпись, которая по палеографическим данным датируется XII–XIII вв. Отмечу также, что столбы, аналогичные неорнаментированным столбам ограды, выявлены мной при обследовании Горной стены «Даг-бары» в сел. Митаги на старинном кладбище – здесь 6 подобных столбиков с пазами для деревянных балок ограждали по периметру группу крупных саркофагообразных надмогильных камней XI–XII вв. Эти материалы, а также стратиграфическое положение данных архитектурных остатков, нумизматические находки и многочисленный характерный кера-

мический комплекс позволили датировать начальный этап функционирования данного культового памятника X-XII вв.

Рис. 4. Дербент. Раскоп XXII. Культовое место Баб ал-Кийама

Рядом с башней, за пределами ограды, непосредственно под надписью 1412 г., было расчищено мусульманское мужское погребение в каменном ящике XIV–XVI вв. (рис. 5). Еще одно мусульманское погребение зафиксировано у северного угла раскопа.

В куртине, у ее стыка с башней, был выявлен хорошо защищавшийся арочный проход (длина ок. 3 м, ширина ок. 1,5 м, высота от уровня порога св.2,5 м; с пазами для мощного засова и дверного косяка) (рис. 9, 10, 11), возведенный одновременно с оборонительной стеной и башней в сер. VI в. и позднее, примерно в X–XI вв., с ростом культурного слоя оказавшийся частично заглубленным в грунт. В это время он, очевидно, стал восприниматься как подземные ворота, а в сознании верующих-мусульман – как ворота в потусторонний мир, чем и было обусловлено наименование этого места «Ворота Судного дня» и превращение его в культовое место.



Дербент. Культовое место Баб ал-Кийама. Раскоп XXII. План

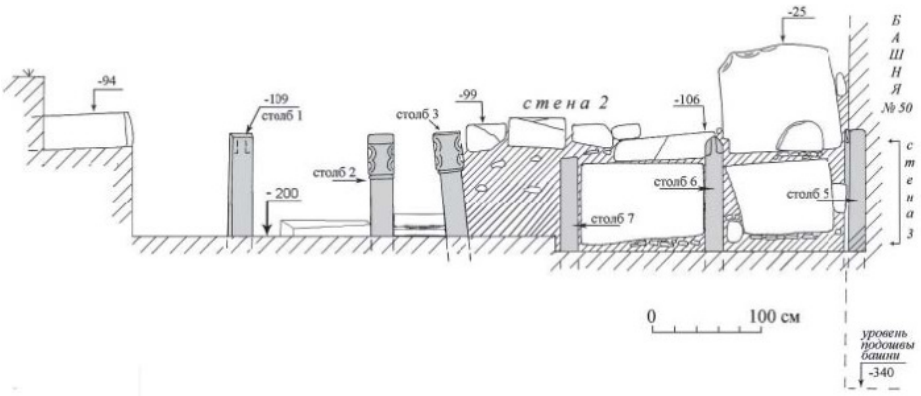


Рис. 6. Дербент. Культовое место Баб ал-Кийама. Профиль стены ограды и прохода срезными столбами

Рис. 7. Дербент. Культовое место Баб ал-Кийама. Проход к «воротам» в оборонительной стене

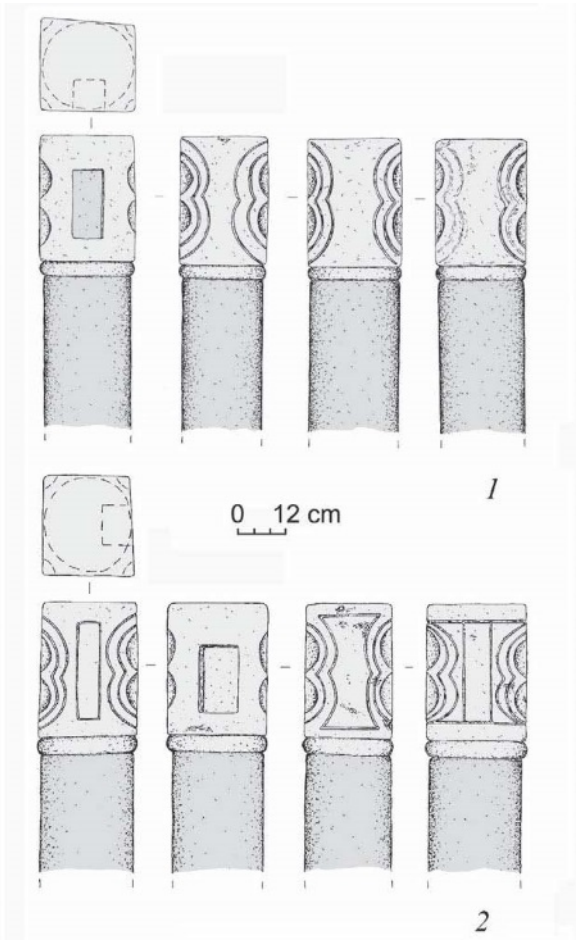


Рис. 8. Дербент. Культовое место Баб ал-Кийама. Резные столбы прохода

В итоге раскопок было установлено, что в указанный выше период (X–XI вв.) проход был заложен с внутренней стороны (со стороны шахристана) (рис. 11), стал замкнутым помещением с небольшим входом-выходом и вошел в систему данного культового памятника. В ходе зачистки закладной стены в ее центральной части, на частично обработанном блоке была зафиксирована врезная 3-строчная арабская надпись (рис. 11), выполненная почерком *куфи*. Надпись, размерами 17xI2 см, представляет собой формулу единобожия (*шахада*) с упоминанием имени пророка Мухаммеда – заступника в день Страшного суда и датируется по палеографическим особенностям XI–XIII вв. (рис. 12, 13):

(1) Нет божества кроме Аллаха, (2) Мухаммад посланник (3) Аллаха.

Надпись была вырезана верующим человеком – мусульманином, резьба не глубокая, надпись сделана непрофессиональным камнерезчиком. Судя по ситуации, она была нанесена или на уже существующую закладную стену, или, скорее, надпись была сделана в ходе строительства закладной стены, и камень с ней был вставлен в кладку. Эти данные, как и палеографическая датировка надписи, указывают на время сооружения заклада, превращения прохода в не большую камеру и время начала функционирования данного культового места.

Кроме этой надписи, на том же уровне на боковых стенах арочного про хода было обнаружено еще несколько арабских надписей (рис. 11). На блоке (102x47 см) облицовки юго-западной стены прохода, рядом с закладной стеной, зафиксированы 3 врезные надписи, одна под другой, также религиозного содержания, выполненные почерком *куфи*. Надписи также датируются XI–XIII вв., но не исключена и их более ранняя датировка. Текст верхней надписи (длина 37 см) (рис. 12,*1*): «*Нет божества кроме Аллаха*».

Рис. 9. Дербент. Культовое место Баб ал-Кийама. Проход в стене – «Ворота Воскресения» («Ворота Судного дня»)

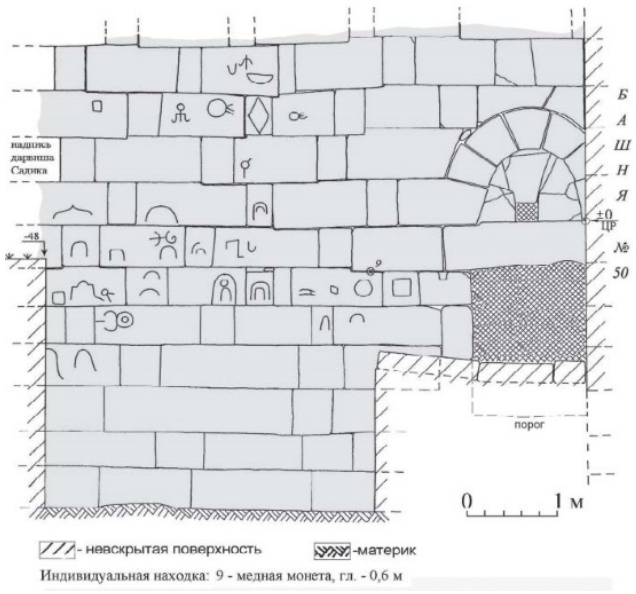


Рис. 10. Дербент. Культовое место Баб ал-Кийама.
Профиль оборонительной стены с арочным проходом со смотровым окном около башни 50

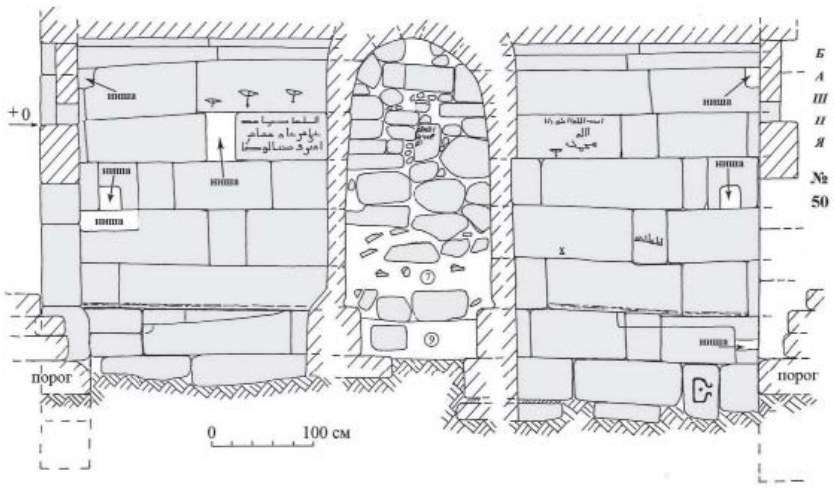


Рис. 11. Дербент. Культовое место Баб ал-Кийама. Разверстка стен арочного прохода

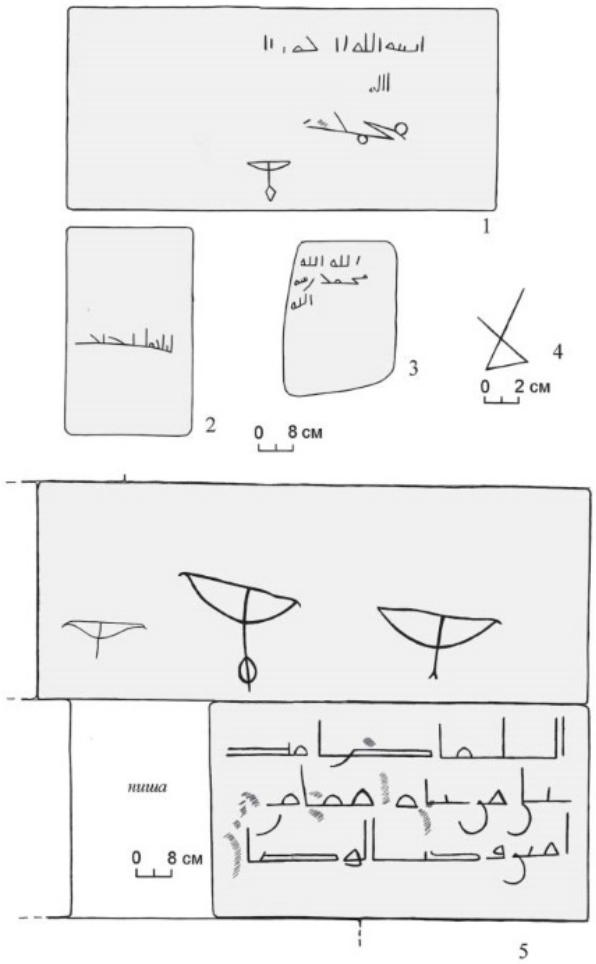


Рис. 12. Дербент. Культовое место Баб ал-Кийама. Надписи и знаки на стенах арочного прохода

Средняя надпись (длина 4,5 см) состоит из одного слова «*Аллах*» (рис. 12,*1*). Эта надпись по почерку близка предыдущей надписи и, возможно, вы полнена одним чело веком. Нижняя надпись (длина 24 см), выполненная иным почерком, также представляет одно слово – имя посланника «*Мухаммад*» (рис. 12,*1*).

На этом же блоке, ниже этих надписей, вырезано изображение направленного вниз лука с ромбовидной стрелой (рис. 12,*1*). Размеры рисунка: ширина лука 10 см, длина стрелы 10 см, длина наконечника 4 см. Изображение наконечника напоминает железные черешковые, так называемые бронебойные, объемные наконечники стрел с четырехгранным ромбическим сечением, характерные для X–XIII вв.

Через ряд кладки ниже этого блока, во втором ряду кладки стены на тыч ковом блоке, помещена еще одна арабская куфическая надпись, относящаяся по палеографии к указанному времени, но, возможно, и к IX–X вв. Надпись однострочная, длиной 22 см, религиозного содержания, с начальной фразой «Во имя Аллаха милостивого» (рис. 12,*2*). На соседнем с надписью облицовочном блоке (115x51 см) слева, у его основания, вырезан знак (3x4 см) (рис. 12,*4*), представляющий собой лигатурное написание арабских букв лам и алиф (لا), пред ставляющих собой первое слово в символе веры («Нет [Бога кроме Аллаха…]») и знак-оберег. Как известно, символика в исламе, особенно символика букв и особенно в суфизме, занимала очень важное место. В частности, в суфийской мистической семантике буква *алиф* – это Аллах, а *лам* – символ «святого духа» Джибрила (Джабраила), главного из четырех приближенных к Аллаху ангелов, чье имя в мусульманской магии пишется по краям маги-

ческих квадратов. Данный знак, в частности, широко представлен среди серии постсасанидских знаков на оборонительных стенах Дербента, например, на кладке северной угловой башни сельджукского времени (XI–XII вв.) цитадели Нарын-кала. Он также вырезан на знаменитых резных дверях Джума-мечети Кала-Корейша XII–XIII вв. и других па мятниках. Связке *лам-алиф*, которая часто рассматривалась как одна буква, придавалась особая важность, она наделялась особым мистическим значением. Например, этой комбинации букв придавалось значение знаменитого меча *Зу-л-факар* с двумя лезвиями, принадлежавшего пророку, а после его смерти «праведному» халифу Али, и могущественного меча *Ла*, которым может быть уничтожено все сотворенное.

На противоположной, северо-восточной, стене прохода также были выявлены арабская надпись и изображения. Надпись вырезана на крайнем блоке (88х49 см), рядом с закладной стеной прохода. Надпись крупная (80х40 см), занимает почти все пространство плиты, трехстрочная (длина строк 38–40 см, высота букв от 1,0–1,8 см до 8,0–9,0 см), выполнена красивым почерком *куфи* профессиональным резчиком, соблюдавшим соразмерность и симметрию букв, слов и строк, толщину врезной линии (4–5 мм). По палеографическим особенностям надпись датируется XI–XII вв., но не исключена и ее более ранняя датировка (IX–X вв.). Текст надписи еще не прочитан полностью в силу особенностей раннеарабской графики и орфографии (рис. 12,*5*):

(1) Аллāх самад (Аллах вечен)

(2) Банā амара (?) (вар. *бина'и(хи) ми'мар?*)… (распорядился о строительстве здания (?)…)

(3) Амир ва катаба (?)… (Амир и написал…(?)).

Обращает внимание относительно уверенное чтение первой строки и первого слова третьей строки – *амир*, представляющего титул правителей Дербентского эмирата этого времени. По всей видимости, надпись имеет строительный и официальный характер и свидетельствует о каких-то архитектурных работах, проведенных на данном культовом памятнике (сооружение ограды с резными столбами и др.), и о высоком почитании данного культового объекта.

Над этой надписью, на крупном блоке (128х50 см) облицовки прохода вы резаны изображения трех направленных вниз луков со стрелами (рис. 12,*5*). Лук 1, крайний слева, изображен тонкой линией (1,0–1,5 мм) и едва заметен, имеет загнутые концы; размеры рисунка: длина лука 20 см, длина стрелы 8 см. Лук 2, центральный, изображен толстой линией (3 мм), имеет загнутые концы; размеры рисунка: длина лука 29 см, длина стрелы 24 см. Стрела показана с крупным наконечником овальной формы, возможно, изображающим железный черешковый, плоско-листовидный наконечник, характерный для памятников Восточной Европы и Северного Кавказа X–XIII вв. Лук 3, крайний справа, также хорошо прорисован (толщина линии 2–3 мм), имеет один загнутый конец; размеры изображения: длина лука 29 см, длина стрелы 15 см. Стрела изображена с раздвоенным наконечником, так называемым «срезнем», типичным для Восточной Европы, Кавказа IX–XIII вв. Изображения подобных наконечников стрел были зафиксированы мной в 2002 г. на надмогильной стеле на кладбище около форта 25 Горной стены «Даг-бары» и на стеле на кладбище покинутого сел. Гимейди, где также проходила Горная стена.

В связи с этим особый интерес представляет находка железного черешкового бронебойного наконечника стрелы, четырехгранного, ромбовидного в сечении, с упором для древка у основания пера (длина пера 2,5 см), обнаруженного в шве между блоками верхнего ряда кладки перекрытия арочного свода. Такие наконечники стрел также характерны для X–XIII вв. Напомним, что, вероятно, подобный наконечник показан на блоке с надписями и изображением лука юго-западной стены прохода.

Изображения луков со стрелами (как и находка наконечника стрелы, воткнутого черешком в потолок и направленного, таким образом, вниз), несомненно, имели глубокую смысловую нагрузку, но их семантика (и содержание обряда (?) втыкания наконечника стрелы) пока не поддается полному раскрытию. Можно полагать, что, будучи связанными с данным культовым объектом и зафиксированным обрядом забивания гвоздей, эти изображения выполняли охранительную, благопожелательную функцию. Делая такое предположение, прежде всего следует иметь в виду наименование данного объекта – «Ворота Судного дня» – дня, когда, по представлениям верующих, умершие (их души) предстанут пред Судом Божьим. Можно полагать, что луки со стрелами, обращенными вниз, в потусторонний мир (как и обнаруженный наконечник стрелы), должны были выполнять функцию оберегов, предотвращающих негативное воздействие потусторонних сил. В этой связи отметим, что ранние суфии (а данный культовый объект можно в значительной степени интерпретировать как находящийся под суфийским влиянием, учитывая выявленную здесь надпись странствующего суфия, дервиша Садика и саму религиозную ситуацию в Дербенте X–XII вв.) жили в ожидании скорого Судного дня. Укажем также на специфику выявленных религиозных надписей и упоминание (дважды) имени пророка Мухаммеда – заступника в Судный день.

Такова предварительная интерпретация зафиксированных на исследуемом па мятнике символических рисунков-знаков, обрядовых действий, включавших не только посещение этого культового объекта, но и, вероятно, выполнение определенных ритуальных действий. Замечу, что в Южном Дагестане (Рутульский район) встречаются средневековые мусульманские надмогильные камни с изображением направленного вниз лука со стрелой (информация краеведа Р.А. Рамазанова, сел. Шиназ).

В проходе, как и на прилегающих к нему участках оборонительной стены и башни, в кладке зафиксированы сотни забитых средневековых кованых железных гвоздей.

В ходе исследований установлена обрядовая специфика данного памятника – зафиксированные обряды забивания в стену гвоздей и подношения медных монет (в раскопе найдено 11 монет, одна из которых была забита в шов между рядами кладки стены; предварительная датировка XI–XV вв.) (рис. 13) по данным письменных источников и этнографии интерпретируются как благопожелательные, исполняемые с целью исполнения заветных просьб, сокровенных желаний и сопровождаемые обетом (араб. *назр*).

В упоминавшейся заметке в «Известиях Кавказского отделения Русского географического общества», написанной Комаровым, среди ряда положений, якобы обеспечивавших счастливую жизнь дербентца-мусульманина в течение года, числится и необходимость «прибить к Деры-Киамет (дверь представления мира) деревянный гвоздь и сделать незр».

В этой связи заметим, что на территории Апшерона имеется одинокая скала, носящая наименование Имам-заде, в которую верующие шииты (таты, азербайджанцы) с той же целью забивают гвозди – если «скала примет гвоздь» (т. е. если он войдет, забьется в скалу), то заветная просьба, желание осуществятся (информация научного сотрудника Института археологии и этнографии АН Азербайджана, к.и.н. И.Н. Алиева).

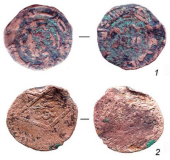


Рис. 13. Дербент. Культовое место Баб ал-Кийама. Медные монеты из раскопа

Подобные действия совершали, по сообщению Н. Федорова, в конце XIX в. и армяне-христиане в пещере св. Оганеса около Новобаязета: «Богомольцы, обращаясь с просьбой к

св. Оганесу, вбивают гвозди в камни пещеры: если гвоздь войдет, то просьба будет исполнена, полагают они; в противном же случае – не будет; в настоящее время (конец XIX в. – *М.Г.*) в камнях можно видеть много вбитых гвоздей, но немало на полу погнутых и сломанных». Наконец, отметим, что близкое по своей сущности совершали и верующие Дагестана – по этнографическим данным, больной человек с целью исцеления приходил (или его приводили) на святое место (*пир, гунбет*), вбивал гвоздь в камень, находящийся там, и затем вынимал его; из этого гвоздя изготавливали кольцо, которое постоянно носили в качестве амулета-оберега.

Использование в этих обрядовых действиях таких предметов и объектов, как железный гвоздь и камень, не случайно и, видимо, обусловлено древними верованиями, пережиточно сохранявшимися в Средневековье уже после принятия ислама. Роль железа, железных предметов, особенно режуще-колющих, в религиозных реликтовых представлениях, их использование в качестве охранительных средств хорошо известны по этнографическим данным многих народов, в том числе и Дагестана. Прослеживается она и по археологическим данным.

Ту же благопожелательную цель преследовал осуществлявшийся на данном культовом месте в Дербенте в Средневековье, как установлено раскопками, обряд прикладывания или забивания медных монет. В качестве параллели отметим, что подобный обряд ранее осуществлялся и осуществляется в наше время в одной из древнейших на Кавказе церквей («Матери церквей восточных», по выражению Мовсеса Каланкатваци/ Дасхуранци, VII в.), расположенной в сел. Киш (Закатальский район Азербайджанской Республики). Здесь местные верующие-мусульмане прикладывали или приклеивали воском от свечи к стене заброшенной церкви медные и медно-никелевые советские и российские монеты, и если они «прилипали» на некоторое время, то сокровенная просьба, по мысли верующего, должна была исполниться.

С обрядовой спецификой исследовавшегося культового объекта была связана еще одна находка. Это найденный вплотную к оборонительной стене в слое IX–X вв. небольшой горшочек с ручкой, внутри которого лежал стеклянный флакон для благовоний (рис. 14, *1,2*). Подобный стеклянный сосудик был обнаружен, в частности, в богатой аланской катакомбе XI–XII вв. могильника Мартан-Чу в Чечне.

Данная неординарная находка представляет собой, как можно полагать на основе ее положения (вплотную к куртине) и своеобразия (флакон в горшочке), своего рода подношение на культовом объекте. Обращу внимание и на то, что в раскопе было обнаружено достаточно много (по сравнению с найденными при раскопках иных объектов) обломков средневековых стеклянных сосудиков и браслетов. И в этой связи отмечу бытующий до сих пор у шиитов Дербента обычай обрезать ногти, вымыть руки и затем разбить стеклянный сосуд, совершаемый с целью благополучия (со словами «разбиваю свое горе») около высокопочитаемой мусульманской святыни города – кладбища тюрк. *Кырхляр* (перс. *Чэхэл танан* «Сороковник»), где погребены воины-*шахид*ы XI – начала XII в.

Рис. 14. Дербент. Культовое место Баб ал-Кийама. Стеклянный флакон (1) и керамический горшочек (2), обнаруженные около оборонительной стены

В заключение замечу, что исследования этого неординарного и долго функционировавшего культового объекта представляют огромный интерес для изучения ислама и суфизма

в средневековом Дербенте – одном из важнейших мусульманских центров Кавказа. Переосмысление данного объекта как «Ворот Судного дня», «Ворот Воскресения» (*араб.* Баб ал-Кийама, *тюрк.* Кийамат-капы, *перс.* Дар-и Кийамат), которые, по вероятному убеждению верующих мусульман, откроются в Судный день, и возникновение, судя по имеющимся на сегодня данным, на этом месте культового мусульманского объекта приходится на X–XI вв. – период активизации мусульманской деятельности и утверждения в Дербенте позиций суфизма – мистического на правления в исламе.

Этому объекту придавалось особое значение, и здесь несли службу воины гарнизона Дербента. В Петербургском списке хроники «Дербенд-наме» (хранящемся ныне в Государственной публичной библиотеке в Санкт-Петербурге), автором протографа которого являлся, видимо, Йусуф ал-Лакзи (ум. до 1089 г.) и которым пользовался Мирза Казем-бек, имеется приложение – «Баб ал-абваб Шухедалери», т. е. «Мученики-*шахид*ы Баб алабваба (Дербента)».

В нем приведены имена 50 *шахид*ов XI – начала XII вв., похороненных на кладбищах города (в том числе на кладбище Кырхляр), и среди них назван Пир-Нал‘банд, который носил титул «султан газиев Ворот Воскресения» (*султан дарвазе-е кийамат газийан*), т. е. он являлся предводителем отряда воинов-*гази*ев (борцов за веру), несших службу у «Ворот Воскресения» – памятника, который вновь был выявлен в наши дни и исследовался Дербентской археологической экспедицией.

Литература

Аликберов А.К. Эпоха классического ислама на Кавказе. М., 2003.

А.К. Что должен делать каждый Дербентский мусульманин (шиит), чтобы счаст ливо провести весь новый год // Известия Кавказского отделения Рус ского географиче ского общества. Т. I. Тифлис, 1872.

Бакиханов А.К. Гюлистан-и Ирам. / Ред., коммент., примеч. и указатели акад. З.М. Бу ния това. – Баку, 1991.

Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Исследование раннесредневековых памятников в Чечено-Ингушетии // Археологические открытия 1975 г. – М., 1976.

Гаджиев Г.А. Амулеты и талисманы народов Дагестана. Махачкала, 1996.

Gadžiev M.S., Kudrjavcev A.A. Steinmetzzeichen des 6. Jahrhunderts n. Chr. In Darband // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Band 33. Berlin, 2001.

Derbend-Nameh, or the History of Derbend. Translated from a select turkish version and published with the text and with the notes by Mirza A. Kazem-Beg. SPb., 1851.

Cantemir D. Collectanea Orientalia (III. Ex eiusdem Demetrii Cantemiri schedis Manuscripts) // Operele principelui Demetriu Cantemiru publicate de Academia Romana. T.VI. Bucuresci, 1883.

Комаров А.В. (Эпиграфические материалы) // Рукописный отдел Института восто ко ве дения РАН (СПб). Ф.71. Оп.1. Д.1.

Федоров Н. Пещера святого Оганеса // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XIII. Тифлис, 1892.

Шиммель А. Мир исламского мистицизма. / Пер. с англ. Н.И. Пригариной, А.С. Рап по порт. – 2-е изд. – М., 2000.

Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 1. Надписи X–XVII вв. Тексты, переводы, комментарии, введение и приложения Л.И. Лаврова. М., 1966.

Аулы-столицы: крупные административные и торгово-экономические центры

Курах-столица Кюринского ханства

З.А. Магомедова, М.Н. Османова

Курах-дере – одна из красивейших частей центрального горного Дагестана, расположенная в бассейне реки КурахвацI, между Самурским и Калухдагским хребтами. Большая часть территории занята горами – неприступные заснеженные вершины, головокружительные горные кручи перемежаются живописными склонами и лугами. Само селение Курах расположено в окружении гор. К юго-западу находится гора Кетин-кил, к западу – Щару-даг («Пёстрая гора»), с севера – Кекен-даг и Элкъвей килер («Круглые вершины»). Несколько сел Курахского района – Аладаш, Арабляр, Маллакент, Кумух и Бугда-Тепе – находятся на равнине, недалеко от побережья Каспийского моря.

Сел. Курах. Общий вид

Курах-дере входило в состав Кавказской Албании – древнейшего государства, объединившего множество народов и племен. По сообщению грека Страбона (65 г. до н. э. – 21 г. н. э.), автора «Географии», в составе Кавказской Албании было 26 племен, в числе которых названы албаны, каспии, утии, гаргары, сильвы, дидуры, гелы и леги.

После распада Кавказской Албании в IV в. н. э. на территории Дагестана возникли политические объединения – Дербент (область Чога), Табасаран, Серир, Гумик, Маскат, Лакз, Кайтаг, Филан.

В 722 г. арабский автор ал-Белазури сообщает о стране Лакз, о Сабасе – главаре одного из лезгинских племен.

Наиболее раннее упоминание о Лакзе относится к VI в. и связано с именем Ануширвана I (531–579), который утвердил в Лакзе правителя, как и в других областях Дагестана – в Сарире, Филане, Табасаране.

Арабские источники дают возможность определить в общих чертах границы Лакза. Почти все они (источники) свидетельствуют о расположении Лакза в Южном Дагестане.

В X в. южные границы проходили, очевидно, по Самуру, ибо отмечается наличие общей границы между Лакзом и Ширваном. В середине X в. ал-Масуди писал, что «опорой царства его (ширваншаха) является царство (мамлака) ал-Лакз, многочисленный народ которого живёт на вершине этой горы».

Если южная граница соприкасалась с Ширваном, то юго-западная – с Шакки. Ал-Истахри оставил любопытное описание этой территории: «Между Ширваном и Лираном – граница, между Лираном и Муканом – граница, как и со страной Абсия, [а] она – область с незначительным числом населённых пунктов. В ней (Абсии) имеется сильная крепость, а за ней по направлению к горам – местность, примыкающая к стране Лакз. Они (жители Лакза)

охраняют эту крепость, т. к. владетель (сахиб) Абсии чувствует к ним особое расположение и поддерживает с ними добрососедские отношения…».

Основная часть Лакза располагалась к северу от Главного Кавказского хребта. В то же время у Лакза общая территория с Шакки. Восточная же граница проходила недалеко от владений Дербента, ибо селение Курах (К.р. к) относится к Лакзу.

Таким образом, в X в. Лакз охватывал территорию, занимаемую представителями лезгинской группы языков (лезгины, агулы, цахуры, рутулы, кроме табасаранцев), в бассейне рек Самур, Курахчай и Чирахчай.

Автор XII в. Йакут (со ссылкой на сведения X в.) пишет, что граничащая с Дербентом и Маскатом «страна Лакз отличается тем, что они (жители страны Лакз) многочисленные племена, приятной наружности, (крепкого) телосложения, (у них) селения (густо) населенные и область обитаемая. …Жители ал-Лакза могущественны, сильны, многочисленны».

VII век – начало арабских завоеваний в Дагестане и начало длительной борьбы горцев за независимость.

Борьба народов Дагестана с арабами шла с переменным успехом – Южный Дагестан переходил из рук в руки. Упорное сопротивление арабам оказывали жители Дербента, Табасарана, страны Лакз. Царь Лакза Авиз, сын Рамазана, по сообщению арабского историка ат-Табари, отказался подчиниться арабским завоевателям и платить налоги. Правитель Мерван решил лично возглавить поход против Авиза, который обратился за помощью к хазарам, однако был случайно убит стрелой. После смерти Авиза Мерван заключил с лакзами мир и, как сообщает историк ал-Белазури, обязал жителей Лакза ежегодно доставлять двадцать тысяч мер зерна в зернохранилище. Управлять страной Лакз было поручено Хашраме Сулямиту.

Начиная с VIII вплоть до XV в. в Южном Дагестане существовало несколько независимых друг от друга политических образований, в том числе Ахты, Курах, Рутул, Цахур, Хнов, Тпиг, Рича и другие.

Курахский район является одним из южных районов Республики Дагестан. Он граничит с Ахтынским, Агульским, Докузпа-ринским, Магарамкентским, Рутульским, Сулейман-Стальским и Хивским районами.

Центром этого прекрасного и гостеприимного края является селение Курах, в старину именуемое Гияр-шехером. По преданию, Курах образовался из семи маленьких поселений:

Хавезар, Щийихюр, Сенгерар, Юрзал, Чатар-кам, Къекъенхюр, ЧIурухюр.

Вид на сел. Курах

Предания об образовании селения Курах приведены в различных источниках. Так, к примеру, в монографии, посвященной формированию материальной культуры лезгин, С.С. Ага-ширинова пишет: «В предании об образовании селения Курах (Курахского района) рассказывается, например, что прежде на юго-западной стороне селения находился город Гияр-шехер, который был разрушен и разорен чужеземцами до основания во времена Средневековья, а население варварски уничтожено. Связанных мужчин, женщин и детей завоеватели бросали на тока под молотильные доски. Этот день в памяти народа остался под названием «День шахской молотьбы» («Шагьхармандин югъ»). И до сих пор, когда бывает большое горе, умирает юноша или молодой мужчина, женщины причитают:

Ай шахиншах, чтобы ты умер, шах!
Сегодня день всемирного потопа,
Сегодня день шахской молотьбы,
Сегодня день того, кто делал молотьбу,
Сегодня самый чёрный день,
Сегодня самый грустный день,
Сегодня день того, кто потерял возлюбленных,
Сегодня день того, кто потерял Керема…

Далее в предании говорится, что после того, как город Гияр-шехер был уничтожен, недалеко от этого места из семи мелких аулов (Хъукъвазар, ЦИийи хуьр, Сернегьар, Юрхвал, Чватар-кам, Хъикъен хуьр, ЧIуру-хуьр) образовалось новое селение Курах. При этом утверждается, что один из тухумов под названием «кьадияр» переселился сюда из Аварии, другой тухум – «чепеяр» – из Лакии. Название Курах (от лезгинского «кьураба», т. е. бездомный), по объяснению народной этимологии, как раз и связано с тем, что это селение основали пришельцы из разных мест Лезгистана. После разрушительного нашествии татаро-монголов в Курахской долине все опустело. Оставшиеся люди спрятались в горах. Птицы и животные исчезли, родники высохли, растения погибли. Одним словом, вся земля высохла. Однако спасшиеся горцы после ухода завоевателей вернулись с гор и заново построили село. Нашли здесь приют люди и из других аулов, которые оказались в самых труднодоступных ущельях Курахских гор: табасаранцы, лакцы, даргинцы, агулы, аварцы, евреи, даже грузины. С тех пор их потомки живут в Курахе.

Что касается названия «Курах», профессор С.С. Агаширинова пишет, что это название образовалось от слова «кьураба». Хотя, возможно, значение слова Кьурагь в нём самом. В Курахской долине всё высохло, сожжённую землю увидели возвратившиеся люди, и они дали название этой местности «Кьурагь-дере» («Засушливая долина»).

Со временем слово «дере» перестали применять, и осталось название «Кьурагь». Село также получило название Кьурагь. Данные топонимики, фигурирующие в этом предании, представляются совершенно достоверными. Почти во всех перечисленных местах до сих пор сохранились остатки старых поселений. Некоторые из них были обследованы в 1947–1948 гг. археологом М. Исаковым. Согласно его данным, первое поселение находилось неподалеку от селения Курах, на отроге горы в урочище Гияр-шехер.

Курахская стела, XIV в.

В этом месте на поверхности сохранились камни от построек и фрагменты керамики, характерные для культуры позднего Средневековья. Второе поселение ЧIуру-хуьр было расположено в 4 км к западу от селения Курах, на левой стороне р. Курах. Здесь также сохранились камни от построек, встречаются фрагменты керамики, сходной с керамикой из первого поселения. Третье поселение – Юрхвал находилось в 3 км к западу от селения Курах, на левой стороне долины р. Курах. Обломки керамики типичны для культуры Средневековья. Четвертое поселение – Кикенхуьр и пятое Сернегар были расположены в трёх километрах

от села. На поверхности всех этих поселений также встречаются обломки средневековой керамики.

О том, что селение Курах под тем же названием существовало уже в XIV в., свидетельствуют записки, опубликованные Л. И. Лавровым. Как указывает учёный, Курахская стела является важным эпиграфическим памятником по истории не только селения Курах, но и всего окрестного края, который раньше именовался Кюре.

Он сообщает, в частности, что в хронике Мухаммеда Рафи, составленной в XV-XVI вв., упоминается и общество Куралал, т. е. Кюре, которое платило шамхалу ежегодную дань в размере 100 жеребцов и 100 кобылиц. Хронограф 1710–1712 гг. упоминает разорение Кураха и Кюре ширваншахом Ибрахимом (шейх-шахом) в 1510–1512 гг.

Во второй половине XVII в. здесь побывал Эвлия Челеби, который писал, что Кюре (Курах?) – «это городок на границе владений табасаранского хана Шах-Михала». По сообщению Эвлия Челеби, в Курахе имелось «1000 прекрасных домов, мечеть, сады, но нет базара. По пятницам люди собираются в одно место и обмениваются новостями. Они не знают золота. Поскольку здесь нет в обращении денег, люди обмениваются товарами. Насчитывается около 10000 человек населения».

Почти 400 лет Курах был столицей крупного союза сельских общин, что подтверждает запись, сделанная на каменной стеле у входа в Джума-мечеть с. Курах, датированная 757 г.х./1356 г. Надпись была подробно изучена известным исследователем Л.И. Лавровым, который определил границы указанных в тексте земель, локализовал почти все пункты, названные в нём. Л.И.

Лавров сделал вывод, что речь идёт не о феодальном владении, а о вольном обществе во главе с Курахом. Надпись фиксирует границы этого общества:

«О Всеразрушающая судьба! О Владелец тайны! Воистину тайна уже обнаружилась. О услужающий телу, сколько стараемся ему служить, в то время как ты не телом, а душой человек!

Эти горы Кураха, от мельницы Хпитара до загона скота Ругуна, и до Хаджиева камня, и до Хореджского моста, и до Дуруштульского тока, и до вершины горы, не занятой Хпюком. Этот горный хребет со стороны юга от озера Кулан-вир до горы Т-р-к-р-кил выше Кимихюра и до речки под Титалем и до Мигун-Кура, где кончается конюшня и начинается монастырь села Зилинги».

Таким образом, Курах выступает как главный населённый пункт, столица определённой территории, с определённым количеством населённых пунктов, причём границы общества Курах, очевидно, были более или менее стабильными, если уже возникла необходимость их зафиксировать.

Ш.М. Ахмедов обратил внимание на то, что в курахской надписи говорится не о всех земельных угодьях данного микрорайона, а о «горах», т. е. пастбищах. Видимо, слабые общины, отдавая себя под защиту общества Курах, уступили последнему ряд пастбищных гор, которые таким образом стали собственностью одного Курахского общества, что нашло отражение в этой надписи.

Это также является одной из форм становления зависимых отношений в общинах горного Дагестана. Курахская надпись может быть фиксацией одного из этапов на пути к использованию покровительства в собственных интересах главного селения союза сельских общин, в данном случае Кураха. Во всяком случае, последующая история Кураха свидетельствует о том, что он всё более и более выделялся из «равных» ему селений, превращаясь из центра союза сельских общин в политический центр феодального владения.

Вышеуказанный письменный источник доказывает, что селение Курах и перечисленные 10 других сёл существовали ранее в XIV в. и, что самое важное, сохранили свои названия до настоящего времени.

Старая мечеть в с. Кабир (Курахский район)

О Кюре имеется несколько сообщений. Надписи из селений Шиназ и Гельхен рассказывают о «разрушении селений Курах и Кура шейх-шахом в 917 г. (в 1511–1512 гг. – *Авт.)*». Значит, ширваншах Ибрахим II (1502–1524 гг.), прозванный шейх-шахом, разрушил лезгинское селение Курах в начале XVI в., а также Кура, т. е. Кюре. Остаётся неясным, какой смысл вкладывал автор надписи в фразу «селение Курах и Кура»: идёт ли речь о селении Курах и подвластной ему территории или же говорится о двух самостоятельных территориях, точнее, сумел ли Курах к этому времени, т. е. к началу XVI в., распространить свою власть и на те земли левобережного Самура, которые впоследствии назывались Кюре?

Несколько сёл Курахского района в силу разных причин, в том числе иноземных нашествий, перестали существовать: ЧГурухюр, Тюкюр, Мехад, Ганар, Хъухъвазар, Къаружар, Ве-гьрехюр, Келег.

Жителям Кураха часто приходилось сражаться с иноземными захватчиками.

В эпоху монгольских завоеваний вражеские полчища, захватив Дербент, направились в горы, пройдя Курах, Рича, Чираг, Кумух. В 1239 г. аул Рича подвергся жестокой осаде безжалостного врага: 27 дней жители аула героически противостояли татаро-монголам, о чём свидетельствует каменная плита с надписью на арабском языке, вмонтированная в стену минарета ричинской пятничной мечети: «Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного! Аллах! Аллах! Аллах! Пришло войско татар, да не будет им от Аллаха большего предела, в Баб-ал-Кист Риджу, когда оставалось от месяца раби ал-аввал десять дней. Затем воевали с ними жители Риджи до середины раби ал-ахира шестьсот тридцать седьмого года…».

Во второй половине XIV в. в Дагестан вторгся другой жестокий завоеватель – Тамерлан с огромным войском. Дагестанские народы мужественно сражались, пытаясь отстоять свою свободу и независимость.

В конце XVI в. у народов Страны гор появился новый опасный враг в лице турокосманов. В 1578 г. турецкие войска вторглись в Южный Дагестан под знаменем «защиты ислама». Горцы оказали им ожесточённое сопротивление. В 1585 г. после многочисленных попыток полководец Джафар-паша захватил Курах и разрушил его.

XVII в. в истории Кураха характеризуется обострением взаимоотношений между крестьянами и феодалами. В 1604 г. вспыхивает восстание, направленное против невыносимого гнёта беков и местных феодалов. Восставшие крестьяне уничтожили многих из них, но свободу так и не обрели.

Зловещим событием в истории Курах-дере явилось нашествие Надир-шаха. Осенью 1735 г. его полчища вторглись в селение. Жестокость захватчиков не знала предела. Жители героически сражались с врагами, однако силы были неравные. Полчища шаха до основания разрушали сёла и уничтожали население. Почти в каждом ауле сохранились предания о том жестоком времени и места, где проходили кровопролитные сражения. Так, в Курахе сохранилась могила-пир Ибрагима – воина, погибшего в бою с персами.

После многих лишений горцы в конце концов наголову разгромили Надир-шаха. У иранцев с тех пор бытует поговорка: «Если шах сошёл с ума, пусть идёт войной на Дагестан».

В X – XIII вв. на территории Курахского вольного общества формируются крупные населённые пункты, строятся оборонительные сооружения. Существовало несколько типов оборонительных сооружений: сторожевая башня, оборонительный вал, крепость-аул, жилая башня. Остатки таких оборонительных сооружений сохранились в некоторых местах до наших дней в селениях Хвередж, Шимихюр, Курах.

Для всех сёл Курахского района характерна одна особенность – они возникали в результате объединения нескольких мелких поселений и хуторов, расположенных близко друг от друга.

Середина X в. явилась для лезгинских районов временем, когда началось усиление темпов проникновения ислама. Один из списков «Истории Абу Муслима» датирует принятие ислама лезгинами временем «после 300 года хиджры», т. е. после 913 года. В хронике говорится об Абу Муслиме, прибывшем из Дамаска в Дагестан и построившем мечети в селениях Ахты, Рича и Мака: «…И сражался Абу Муслим летом с областью Баб ал-Кист, называемой Рича, а с наступлением зимы – с кяфирами Баб ал-абваб Дербента. И построил он мечеть в Каракюре, посадил туда своего сына Махтар Санджаба. Затем построил Абу Муслим мечеть (в) Ахты, назначил (там) свою сестру, которую выдал замуж за Исхака Кондушкана…И построил Абу Муслим мечети в Рича и Мака…Затем он вернулся в Ширван».

Самым ранним свидетельством в пользу указанного времени является надпись в селении Ихрек (Рутульский район), зафиксировавшая реставрацию мечети в 407 г. хиджры, т. е. в 1016–1017 г. К XI – XII вв. относятся также мечети, которые сохранились и по настоящее время в селениях Рича и Каракюре. В указанных селениях, а также в селении Рутул имеется ряд арабских надписей, датированных XII – XIII вв. или палеографически приурочиваемых к этому времени.

О распространении ислама в южной части Дагестана в XII-XV вв. говорит большое количество надписей, часть которых посвящена строительству минаретов или мечетей: о строительстве минарета в 1162 г. (сел. Гельмец), мечети и минарета в 1278 г. (сел. Цахур), о строительстве минарета в Рутуле (XII – XIII вв.).

Ислам в Южном Дагестане занял сильные позиции; в XIII – XV вв. встречается ряд лиц с нисбой «ал-Лакзи», занимавших высокое положение среди представителей мусульманского духовенства за пределами Дагестана – в Сарае, Бухаре, а также Хиналуке (Северный Азербайджан).

Сел. Курах, пир (святилище)

В XIII–XVI вв. усиливается строительство культовых сооружений. Они воздвигались в каждом ауле Курах-дере. В Ахниге было пять мечетей, в Хпедже – три, в Усуге два пира – Камиля и Магомеда, четыре пира находились в Квардале, три пира – в Хпедже.

При мечетях возникали начальные школы (мактабы), в которых дети обучались арабскому языку, Корану и основам духовно-нравственного воспитания. Школы более высокого уровня (медресе) открывались при мечетях крупных аулов. Известностью пользовались медресе в аулах Курах, Капир, Штул, Кочхюр, Хпедж, Гельхен. В медресе изучали арабский язык, мусульманское право, толкование Корана, логику, поэзию, философию и т. д.

В образовательном процессе большое значение имели библиотеки и книжные коллекции. Примечетские и частные библиотеки насчитывали сотни книг по мусульманскому праву, логике, догматике, философии и т. д.

Курах-дере известен своими учёными-арабистами, такими как Магарам-эфенди из Кочхюра, Гаджи-Буба Ашарский, Насрулла-эфенди из Капира, Насруллах-эфенди Усугский и др.

В каждом ауле Курахского вольного общества проживало несколько тухумов. Не было ни одного аула, состоящего из одного тухума.

Так, в начале XIX в. в Курахе насчитывалось семь крупных кварталов: МирчIийрин мягьле, Манчайрин мягьле, Хъикерин мягьле, Яхулрин мягьле, Къадийрин мягьле, ТIула мягьле, Къурбалийрин мягьле. В семи кварталах находилось 48 тухумов, в том числе в квартале МирчIийров – шесть тухумов: Атасияр, Небияр, Чамбулар, Агъулар, МирчIияр, ТIуьхшерар. В квартале Манчарар проживало два тухума: Бакарар и Манчарар. В квартале Хъикерин –16 тухумов: Лехъияр, Недуьрар, Ашумар, Нарчавар, КицIер, Манучар, Бурукар, Будайбур, Иседбур (Бакълаяр), Хважадбур, ЧIурхьунар, Яралидинбур, Чумурар, ХъитIар, Къучагъаяр, Назаралидинбур. В квартале Яхулов – два тухума: ЦIахурар, Яхулар. В квартале Кьадийрин – два тухума: Кьадияр, БиретIар, В квартале ТIула мягьле насчитывалось 11 тухумов: Афатар, Атадбур, Къутабур, Кукаяр, Кьетер, Ченеяр, Мансурар, Цахъарар, Зарбафар, Бахурар, Кьадияр. В квартале Къурбалийрин жили представители семи тухумов: ГъвечIи хваяр, Къурбалияр, Камалар, Къадирабур, КIаламар, Абдулгъанияр, Эмирар.

На месте остановки Мухаммада ал-Йараги (Мухаммада Ярагского)

Каждый тухум имел своё название, которое могло возникнуть в связи с характером деятельности людей, с их поступками и склонностями к чему-либо, с местностью, откуда вышел тухум, и т. д. Часто название тухума было связано с именем какого-нибудь видного предка.

В Курахе имелись 12 мельниц, 7 пиров (зияратов), каждый квартал имел свою мечеть, а в центре села стояла и поныне стоит Джума-мечеть. В селении сохранился мост, который построил во времена Кюринского ханства Гаджи-Юсуф-хан (в начале XIX столетия).

Многочисленные факты свидетельствуют о различных исторических событиях, которые связаны с селением Курах. В 1356 г. впервые в исторических книгах дано сведение об имеющейся водяной мельнице в селении Курах. В 1356 г. создано независимое Курахское государственное образование. В 1511 г. Курахское государство было разгромлено войсками ширваншаха. В 1836 г. в Курахе воздвигнут пир (зиярат) шахидам. В 1812 г. в Курах во главе русских войск вошел генерал Хатунцев.

В начале XIX в. возникло Кюринское ханство с резиденцией в Курахе. В 1812 г. Кюринское ханство вошло в состав России. Это вхождение имело огромное прогрессивное значение. Избавившись от постоянной угрозы иноземных нашествий, лезгинский народ получил возможность дальнейшего развития своей экономики и культуры.

Кюринское ханство в конце XVIII – начале XIX вв. представляло собой союз сельских обществ, которые выступали по отношению к другим подобным обществам, их союзам как

единое целое и составляли низовую политическую единицу – джамаат, имевший свою территорию, строго охраняемую и четко очерченную, свои обычаи и местные органы власти и управления. Это придавало джамаатам территориально-географическую стабильность и упорядоченную власть.

Джамаат состоял из тухумов, куда входили малые индивидуальные семьи, являвшиеся низовой ячейкой общественной структуры и производственной единицей общины. Во главе тухумов стояли аксакалы – старшины, однако они не имели никакой исполнительной власти.

Политические события в союзах сельских обществ Кюры, как и во всем Дагестане, во второй половине XVIII в. были сложными. Феодальные междоусобицы переплетались с борьбой независимых джамаатских союзов против феодальных владетелей. Внутренние противоречия осложнялись внешнеполитическими факторами, прежде всего российско-турецко-иранским противостоянием.

Сложные отношения складывались у кюринцев с соседними владениями: постоянные претензии то одного владения, то другого за влияние в кюринских магалах составляли предмет раздора и борьбы между владениями Дербента, Кубы, Казику-муха.

В конце XVIII – начале XIX вв. в связи с проводимой антироссийской политикой дербентского правителя Шихали-хана и Казикумухского Сурхай-хана II и активизацией политики России в Дагестане Кюра не раз была объектом притязания других государств.

В связи с присоединением Кюры к Казикумуху Сурхай-ханом II в 1789 г. ханство стало именоваться Кюра-Казикумухским, и вплоть до 1811 г. кюринские лезгины и агулы находились в составе Казикумухского ханства.

Наконец, 4 декабря 1812 г. Кюра была присоединена к России; был подписан договор, сущность которого заключалась в том, что правители Кюры должны признавать над собой власть только русского императора и его наследников, а император даёт свое ручательство на сохранение целостности владения Кюринского. Жителям Кюринского ханства было обещано предоставить пользование всеми правами наравне с прочими верноподданными России. Трактатом определялись меры по охране Аслан-хана и его наследников, а также ряд мер по обустройству русских войск в селении Курах.

Проанализировав имеющиеся материалы о процессе вхождения Кюринского ханства в состав России, следует сказать, что этот путь был трудным, долгим. Он был связан с военными действиями казикумухских ханов против царских войск, изменой, предательством ханов.

Сурхай-хан II не мог смириться с потерей власти над Кюрой и тайно вёл переговоры с аварским ханом Султан-Ахмедом, с уцмием Адиль-Гереем и другими владетелями о выступлении против русских войск. Но царская армия, направленная в Кумух, разбила войска Сурхай-хана.

И официально 17 июня 1820 г. было объявлено о присоединении Казикумухского ханства к Кюринскому, ханство стало именоваться Кюра-Казикумухское, во главе его был Аслан-хан Кюринский. С ним был заключен в декабре 1820 г. новый договор, который регламентировал обязанности хана. Управление Кюринским ханством было поручено племяннику Аслан-хана Гарун-беку. Именно в этот период в Кюринском ханстве появилось религиозное течение – мюридизм. Основатель и проповедник этого течения Мухаммад Ярагский призывал жителей подняться на газават против неверующих, в том числе и против наместника русского царя.

Горское население не оставалось безучастным к этим событиям. Вследствие гнета местных правителей (феодалов и знати), произвола и несправедливости с их стороны на протяжении первой трети XIX в. в Дагестане (в горах и на равнине) повторялись одно за другим восстания горцев. К тому же с юга угроза Дагестану иноземного нашествия со стороны Ирана и Турции еще не миновала.

Аслан-хан и второй имам Дагестана Гамзат-бек решаются уничтожить «аварский дом» в Хунзахе. В августе 1834 г. Гамзат-бек с 10-тысячной армией взял столицу Аварского ханства – село Хунзах и расправился с семьей ханского рода.

После смерти имама Аслан-хан предъявил свои претензии на аварский престол и был назначен царским правительством ханом Аварии. Таким образом, под властью Аслан-хана оказалась значительная часть Нагорного Дагестана.

С 1838 г. в Казикумухском ханстве происходила борьба за престол между представителями ханской фамилии. Чтобы пресечь эти распри, царское правительство своим указом в 1839 г. разделило Кюра-Казикумухское ханство на два отдельных ханства – Кюринское и Казикумухское с надзором над ними начальника Самурского округа и в 1850 г. – дербентского военного губернатора.

В рассматриваемый период в состав Кюринского ханства вошли 8 магалов Кюры, а также территория Агульского, Кошанского и Ричинского союзов сельских обществ (с тремя магалами), центром ханства стало селение Курах.

Если в 1834 г. в ханстве было 5085 дворов и 21700 жителей, то к 1864 году число дворов увеличилось до 7550, жителей стало 58958 человек. Увеличение количества жителей ханства и дворов связано с присоединением к ханству южной части Табасарана.

Из приведенных данных видно, что в ханстве насчитывалось 140 селений (было 120) и 11 магалов (было 8). Магалы по количеству селений и дворов в них неодинаковы. Так, магалы Кошан и Агул насчитывают по 6 селений, но в первом – 203 двора, во втором – в полтора раза больше (342 двора), магал Рича имеет 7 селений, в них было 326 дворов. Крупными магалами были Курах (18 селений на 1242 двора), Ярки (35 селения на 1439 дворов), Гюне (22 селения на 1407 дворов). Особенно большими селениями являлись Икра – 167, Штул – 171, Филе – 170, Ашага-Стал –167, Ашага-Яраг – 159. Но были и малые селения с небольшим количеством дворов. Например, в селении Барбаркент насчитывалось всего 9 дворов, в селении Кама-Кучун – 9 дворов. Всего до 50 дворов насчитывали 79 селений (из 140 селений).

Экономические отношения в Кюринском ханстве, как и во всем Дагестане, имели разнообразные формы в зависимости от географического расположения отдельных частей Кюры.

На равнинных землях с орошением жители занимались хлебопашеством, животноводством. В предгорной части, где находилось 40 селений, жители занимались также земледелием и животноводством. В горной части, где насчитывалось 45 селений, основным занятием населения были хлебопашество, овцеводство, ручная выделка паласов из конопли. В высокогорной части, где было 40 селений и где заметен недостаток пахотных земель, жители занимались животноводством.

Наиболее распространенными культурами являлись пшеница, ячмень, кукуруза, просо, лён, конопля, марена. В земледелии широко использовалась двухпольная и трехпольная система севооборота. В целях получения хороших урожаев зерновых культур применялись удобрения – зола, навоз, получило развитие искусственное орошение земель. Поля обрабатывались примитивными сельскохозяйственными орудиями – деревянной сохой с железным лемехом, тягловой силой служили быки и буйволы.

Жители ханства занимались также садоводством, виноградарством (Гюне, Картас, Гюджа) и шелководством.

Вид на р. Курахчай

Важно, что кюринцы, издавна занимавшиеся земледелием и животноводством, на основе опыта многих поколений выработали сельскохозяйственный календарь проведения работ в поле в определенные сроки применительно к условиям и особенностям каждого селения.

Исключительно важное значение для кюринцев имело развитие как мелкого, так и крупного рогатого скота, использование для выпаса скота летних и зимних пастбищ. Стала применяться система отгонного животноводства, что дало возможность перегонять скот на зимние пастбища (на равнину) за десятки и сотни километров на арендованные земли в равнинной части не только Дагестана, но и других территорий. Занятие населения животноводством давало продукты питания, а также сырьё для многих ремёсел – ковроткачества, выделки кожи и пошива одежды и обуви.

Большое значение имело занятие населения местными промыслами – обработкой шерсти, меха, шкур, дерева, камня, глины и изготовлением на основе этих материалов предметов домашнего пользования.

Во многих сёлах Кюры было распространено изготовление гончарных изделий, большое развитие получили кузнечное ремесло и металлообработка. Происходит дальнейший рост числа работ на заказ, укрепление старых и выделение новых ремесленных центров.

Однако безземелье и малоземелье, отсутствие возможности применения рабочей силе в родном селе приводили к отходничеству, особенно среди мужского населения (уходили в основном в Азербайджан, Дербент).

Развитию экономики ханства во многом способствовало улучшение торговли с крупными населёнными пунктами внутри Дагестана и вне его – с Россией и Азербайджаном. Товары приобретались как за деньги, так и путём обмена.

Все земли в Кюринском ханстве под названием «Ятаг» составляли исключительную собственность ханов, которые отводили землю жителям и отбирали ее по своему усмотрению.

Ханы владели 23843 десятинами земли на 29 участках, причем отдельные участки были очень обширны и включали до 4000 десятин земли (земля Лаган – 4000 десятин, Ятаг-Коказ –1074 десятины, Тунардаг – летние пастбища – 1500 десятин, Стал-Чилийская земля – 4000 десятин, Кюре-Шор-дере – 3500 десятин и др.). Крупными землевладельцами в ханстве были также беки. Земли делились на 3 вида по праву пользования ими населением: а) общинные земли; б) мюльки; в) ятаги и кутаны бекские.

Ханы не только жаловали земли частным лицам, но и отдавали бекам в управление или даже в собственность целые селения, что приводило к дальнейшему развитию феодальных владений. С 1812 по 1860 гг. в Кюринском ханстве было роздано 16 селений, в которых было 870 дворов, 9 владельцам – потомкам беков.

Мелкие частновладельческие мюльки крестьян – это общественные неудобные земли, превращённые в плодородные участки путём раскорчёвки леса, расчистки болот, камышей, орошения и др. Мюльк находился в полной собственности хозяина, который мог его продать, подарить, передать по наследству, отдать в аренду, завещать мечети.

Пахотные участки под влиянием товарно-денежных отношений стали объектом купли-продажи.

Общинное землевладение – наиболее распространенная форма землевладения в ханстве, как и во всём Дагестане. Эти земли находились в собственности общины, к ним можно отнести пастбища, выгоны, леса, а также пахотные земли.

Вакуфное землевладение – это земли, принадлежавшие мечетям, переданные по завещанию верующих в пользу мечетей. Вакуфные земли (также вакуфные отчисления) были постоянным источником доходов мечетей.

Итак, в Кюринском ханстве имелись 4 вида земельной собственности:

1) феодальное землевладение;

2) мелкочастновладельческие земли (мюльки крестьян);

3) общинные земли;

4) вакуфное землевладение.

Как уже отмечалось, в Кюринском ханстве в первой половине XIX в. сложилась своеобразная социальная структура. Своеобразие заключалось в том, что правящая ханско-бекская фамилия была иноэтнической, так как ханы и беки являлись выходцами из дома казикумухских правителей, а подвластными в ханстве были лезгины, агулы.

Феодальное сословие (ханы и беки) Кюры составляло незначительную часть населения, однако в его руках была сосредоточена большая часть народного богатства (земля и скот). Ханы и беки осуществляли функции управления, занимались разбором судебных дел. Они являлись собственниками земель, получали от крестьян налоги, подати и повинности. К привилегированному классу относилось духовенство – кадии и муллы.

Класс крестьянства состоял из двух групп: лежберы и раяты. Основную часть составляли лежберы (123 селения из 140). Они были обязаны нести в пользу ханов и беков многочисленные подати и повинности. Раяты же были прикреплены к земле и бекам, с раятов взималась рента натуральная и отработочная.

Последнюю категорию зависимого населения в ханстве составляли кулы (рабы). В основном они представляли собой дворовую прислугу.

Ежегодный доход ханов Кюры в конце 50-х гг. XIX в. составлял: подати хлебом: пшеница – 3315 рубе, ячмень – 2477 рубе, чалтык – 828 рубе. В переводе на деньги все это составляло 3829 руб. Кроме того, они получали от населения масло (105 пудов 4 фунта), баранов (1038 штук), сыр (17 бурдюков), пошлины с марены (по 25 коп. с каждого пуда). Крестьяне отбывали барщину на полях хана – в общей сложности более 20 тыс. рабочих. Для разных надобностей ханской и государственной службы в ханстве содержали конно-вооруженных нукеров (162 чел.) и 60 чапарских лошадей. Содержание нукеров обходилось в 6480 руб. в год, лошадей – в 2160 руб.

По показанию жителей магала Кураха, до Сурхай-хана они были узденями, при нём стали зависимыми.

В 60-х гг. XIX в. в Дагестане были проведены административные и социальные реформы, которые частично коснулись и жителей Кюринского ханства. В начале 1860 г. была создана Дагестанская область. Вскоре царское правительство взяло курс на ликвидацию ханств. Важным обстоятельством, ускорившим решение царизма ликвидировать ханства, послужил рост крестьянского движения, вызванный усилением ханского гнета под эгидой царизма. И в 1865 г. из Кюринского ханства был образован округ в составе трёх наибств – Гюнейского, Курахского, Кутуркюринского. В результате административных реформ и ликвидации ханств в Дагестане было образовано девять округов.

Каждый округ делился на наибства. Курахское наибство в 1901 г. переименовали в участок под тем же названием, который просуществовал до 1917 г.

В Курахском наибстве были проведены реформы сельского управления на основе «Положения о сельских обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в Дагестанской области» от 26 апреля 1868 г. Сельское общественное управление состояло из сельского схода, сельского старшины и сельского суда. Выборность старшин была отменена, они назначались военной администрацией, а остальных избирали на сходах с последующим утверждением начальником Кюринского округа.

Были определены права и обязанности должностных лиц сельского управления. Округ находился в полной зависимости от военных властей, которые могли избранных лиц сместить в любое время, подвергнуть штрафу, аресту и предать военному суду.

Дагестан после 60-х гг. XIX в. всё больше втягивается в экономическую систему России. Здесь развиваются новые капиталистические отношения, в жизни ряда областей происходят положительные перемены.

В 1833 г. Курах посетил известный русский писатель, декабрист Александр Бестужев-Марлинский. Он тогда служил в Дербенте солдатом царской армии. Он восхищался природой Кураха, его добродушными и в то же время мужественными жителями. Брату Павлу в Санкт-Петербург он писал: «…Нет ни газет и никаких новостей. Не слышу уже давно и русской речи…».

По данным 1869 г., Курах имел 280 дворов, Кири – 167, Штул – 171, Гельхен – 80, Усуг – 75, Ашар – 83, Хпедж – 71, Хпюк – 44, Урсун – 16, Кукваз – 26, Хюрехюр – 35, Кимихюр – 25 и др.

В аулах шёл процесс расслоения крестьян. Богатые крестьяне составляли около 3 %, наёмный труд применялся в немногих хозяйствах, всего лишь в 1,3 %. Официальная комиссия отметила, что в Кюринском округе «встречаются очень много поселян безземельных». В 1886 г. из 23632 дворов только около 11 % не имели пахотных земель, большинство их приходилось на аулы Курах-дере.

Скот, как и земля, распределялся неравномерно между разными группами крестьянства. В Курахском наибстве только около 40 % хозяйств имели овец и крупный рогатый скот.

В основном курахцы занимались скотоводством, земледелием, охотой. Зимнее время отдавали торговле. На равнину возили мясо, сыр, шерсть, зерно, мед, масло, иногда и картофель. Обменивали их на необходимые в хозяйстве товары. Ходили на Касумкентский, Ахтынский, Дербентский базары. Многие молодые люди в зимние месяцы шли в Баку, Дербент, Карабах, Шеки на заработки. Весной возвращались и выполняли работы по хозяйству. Осень была пора свадеб. От души радовали земляков ашуги Сейфуллах, Курбан, Афизат, Минетуллах, многие известные музыканты.

В 1912 г. по распоряжению царского правительства в Курахе открыли двухклассную реальную школу. К занятиям приступили 24 ученика.

В 1929 г. образован Курахский район. С 30-х гг. курахцы объединились в коллективное хозяйство. Особенно в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период они трудились на славу. Колхозом руководили большие энтузиасты и специалисты своего дела Халид Насруллаев, Ахмед Назаралиев, Рамазан Алиев, Исмаил Ибрагимов. Бригадирскую нелегкую должность исполняли Юсуф Мисриев, Абдулжалил Асланов, Мелик Меликов. Большим уважением и почетом пользовались в селе чабаны Муса Бабаев, Рачаб Алиев, братья Муртузали и Идрис, Катиб Шуаев, Хизри Таибоя, доярки Нигер Эльдерханова, Пакизат Алибегова, Савадат Алиева, Разият Исаева, Гурипери, Перизат Гамидовы.

Получили в районе известность мастера-каменщики Мурад, Абдурахман Шахпазовы, Иса Таибов, уста Неби, Курбан, Атас Эмирбег. Построенные их умелыми руками здания, мосты приводили людей в восхищение. Мастерами своего дела являлись кузнецы Рамазан Шамахалаев, Рамазан Гадисов. Большое число курахцев участвовало в строительстве советской власти, гражданской войне, в защите Отечества от фашистских захватчиков. Проявляя невиданное мужество и храбрость, они шли на самые трудные задания, не давали пощады врагам.

За последние годы село Курах изменилось до неузнаваемости. Построено много новых зданий, жилых домов. Работают две средние школы, центральная больница, поликлиника, музыкальные, художественные, спортивные школы, цеха бытового обслуживания, магазины.

В настоящее время Курахский район состоит из 14 сельских поселений, в составе из 28 населенных пунктов – селений Курах, Хюрехюр, Моллакент, Арабляр, Аладаш, Кумук, Кучхюр, Бугда-тепе, Кабир, Икра, Бахцуг, Сараг, Ругун, Кутул, Ахниг, Ашакент, Штул, Ашар, Кукваз, Гельхен, Квардал, Усуг, Укуз, Хвередж, Шимихюр, Хпедж, Урсун, Хпюк.

Литература

Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин XIX – начала XX в. – М., 1978.

Агларов М.А. Курахская стела // Традиции народов Каваказа в меняющемся мире: преемственность и разрывы в социокультурных практиках. Сборник статей к 100-летию со дня рождения Л.И. Лаврова. – С.-Пб., 2010.

Алиев Б.Г. Предания, памятники, исторические зарисовки о Дагестане. Махачкала, 1988.

Восточные источники по истории Дагестана // Сборник статей и материалов. Махачкала, 1990.

Ибрагимов Н.М. Курах – гордый горный край. Махачкала, 2004.

Манатилова З.З. Кюринское ханство и его вхождение в состав России: Автореф. дис… канд. ист. наук. – Махачкала, 2003.

Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана // Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времён до начала XX в. – Махачкала, 1964.

Шихсаидов А.Р. О проникновении христианства и ислама в Дагестан // Учёные записки. Том III. – Махачкала, 1957.

Шихсаидов А.Р. Надписи рассказывают. Махачкала, 1969.

Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. М., 1984.

Гергебиль – аул-крепость (исторические вехи)

З.Б. Ибрагимова

Селение Гергебиль (ныне административный центр одноименного района) расположено в Нагорном Дагестане в дельте реки Казикумухское Койсу (у места её слияния с Каракой-су – бассейн реки Сулак), в 104 км к юго-западу от республиканского центра – г. Махачкалы. Гергебиль граничит с такими крупными селениями, как Хаджалмахи (ныне Левашинского р-на РД), Кикуни, Хвартикуни, Аймаки, Кудутль и Могох (ныне Гергебильского р-на). Корни их социально-экономических, этнокультурных и политических связей уходят в глубину веков. Коренное население Гергебиля – аварцы, представители самой крупной по численности народности Дагестана.

Согласно местным преданиям, современный Гергебиль возник в результате объединения шестнадцати тухумов (родственных групп), проживавших на территории Гергебильской равнины: Баарбакхулал (*БагIарбакълъулал*), Жар-жаби, Адмаардисел (*АдмагIардисел*[13]), Хоркамаардисел (Г*ьоркъамагIардисел*), Пахлисел (*Пахълисел*), Хашкулал (*ХъашкIулал*), Инхулал (*ГIинхъулал*), Барбарал, Мухтарилал, Бакдакурмисел (*Бакъдакурмисел*), Хундакурмисел (*Хьундакурмисел*), Бахтурисел (*БахIмIурисел*), к ним относились Лачимиласулал, Ручнисел, а также проживавшие в ущелье Маххил кал (*Маххил кIал*) по правую и левую стороны.

Поселение тухума Баарбакхулал находилось на месте, называемом современными гергебильцами Чунта росу (*ЧIунта росу* – развалившееся селение). Название тухум получил благодаря цвету камня, из которого строили свои жилища его представители (авар. яз. *багIараб* – красный). Согласно преданию, этот тухум являлся довольно-таки зажиточным. Находясь на вершине холма у берега речки Аймакинки, это селение имело наиболее выгодное стратегическое расположение (относительная недосягаемость для врагов, возможность обзора окружающей местности, так, например, проход из Аймакинского ущелья с возвышенности виден, как на ладони).

Постепенно по тем или иным причинам остальные тухумы, рассеянные по Гергебильской долине, присоединились к тухуму Баарбакхулал. Так поступил и тухум, изначально поселившийся на возвышенности Пахлиб *(Пахълиб)* – пригорке горы Зуберха. При осмотре местности с высоты Зуберхи этот пригорок своей формой напоминает кучу (авар. яз. *Пахъ* – куча, лепешка), что, по свидетельству старожилов, и легло в основу наименования местности, а также названия тухума, располагавшегося здесь. Согласно местному преданию, этот тухум в основном занимался скотоводством и вполне преуспевал в этом, но лишь до прихода татаро-монголов, которые, обосновавшись поблизости (окрестности современного с. Аймаки ныне Гергебильского р-на), обложили их налогом. Чтобы освободиться от уплаты дани, Пахлисел, оставив свое поселение, в свою очередь присоединились к тухуму Баарбакхулал.

Тухумы Хундакурмисел и Бакдакурмисел располагались в местности Курми (ныне окрестности современного п. Курми, Гергебильской ГЭС), Хундакурмисел – на теневой стороне, а Бакдакурмисел соответственно – на солнечной.

[13] Местная топонимика (географические названия), названия тухумов, а также другие слова на аварском языке приводятся согласно произношению местных жителей, говорящих на гергебильском говоре восточного диалекта северного наречия аварского языка.

Современный Гергебиль

Тухум Инкулал до присоединения к Баарбакхулал населял местность Раци майдан. Здесь гергебильцы до недавнего времени добывали глину для заделывания каменных стен своих жилищ (авар. яз. рации – замазывание, заделка).

Тухумы Адмаардисел и Хоркамаардисел изначально обосновались на горах Адмеэр и Хоркамеэр (Верхняя гора и Нижняя гора).

К основателям тухума Барбарал легенда относит газиев (борцов за веру), которые построили крепость и охраняли один из проходов через Гергебиль в местности Дебатль. До сих пор в Гергебиле этот род – один из почитаемых.

До наших дней сохранились остатки поселения тухума Хаш-кулал в местности Арада Абухна (авар. яз. *Арада АбухIна* – В конце Абухна) – окрестности современных гергебильских садов у подножья горы Хунда (*Хьунда мегIер*). Ущелье рядом с этим поселением гергебильцы называют Ростал кал (авар. яз. *РостIал кIал* – ущелье села), гора же Хунда получила своё название благодаря тому, что её склоны постоянно закрыты тенью (авар. яз. хьунлъи – теневая сторона), снег весной здесь тает в последнюю очередь. Своё название этот тухум, согласно рассказам старожилов, получил благодаря изобиловавшему хворосту (авар. яз. *хъашкIи* – хворост) в местности поселения, да и в настоящее время здесь произрастают довольно-таки густые заросли кустарников.

Согласно преданию, представители тухума Жар-жаби (проживавшие в местности Натаб) латеральную аффрикату *лъ* [тл] литературного аварского языка произносили как *хь*. Местность, где расположились Баарбакхулал, они называли *Хьарде гали*, на современном аварском языке это бы звучало как *Лъарде гали* (Шаг на речку). Вот почему, как утверждают старожилы села, после слияния тухумов место поселения стало называться Харгали (*Хьаргали*), постепенно название трансформировалось в Харгаби (*Хьаргаби*), так в основном современные дагестанцы называют селение Гергебиль на своих родных языках. Однако с нашей точки зрения верна следующая этимология этого названия: *Лъаргалиб* от *лъар* – речка, *либ* – локатив[14], т. е. в переводе на русский язык «У речки», трансформировавшееся в дальнейшем в Хьаргаби.

В настоящее время известно множество тухумов, позже присоединившихся к гергебильскому открытому обществу. Среди них: переселившийся в Гергебиль во время имамата Шамиля даргинский тухум, состоявший из 20 семей, тухумы плененных во время походов на Грузию, а также тухумы Кушкандил и Ан-дули. Родоначальники последних двух – русские пленные времен Кавказской войны Константин и Анатолий. Сохранились развалины построенных ими мельниц. В частной книжной коллекции жителя Гергебиля Гаджи Ансарова хранится рукопись, переписанная в месяц шавваль 1313 г.х. (16 марта – 13 апреля 1895 г.) Мухаммадом сыном Куштанти ал-Каркаби (из с. Гергебиль). Таким образом, мы видим, что представители «пришлых» тухумов входили в состав сельского общества и наряду со всеми принимали участие в его жизни.

История объединения так называемых «основных тухумов» Гергебиля в настоящее время остается все еще малоизученной. Так, например, в ходе обработки материала, любезно предоставленного автору местными краеведами, любителями истории и их семьями (А.М. Амирханов, Б.М. Урдашев, М. Абдулкаримов), обнаружились некоторые несоответствия.

[14] Локатив – языковое средство, определяющее местонахождение человека или предмета в пространстве.

Некоторые тухумы в одних источниках указываются как одни из первых, слившихся в одно село, а в других – как прибывшие извне, т. е. уже после объединения гергебильских поселений.

Местность Курми

Остатки большинства нами перечисленных ранних поселений в той или иной степени сохранились. Основной формой поселений является ступенчатая с горизонтальным расположением построек (судя по сохранившимся фундаментам), местонахождение – горный склон. Закономерен выбор расположения данных поселений на местности с благоприятными условиями для ведения хозяйственной деятельности, т. е. с наиболее рентабельным для землепашества и скотоводства рельефом, богатым составом почв и т. д. Таким образом, далеко не все гергебильские высоты в ходе хозяйственной деятельности использовались местным населением в полной мере. Более глубокое изучение остатков тухумных поселений представило бы огромный научный интерес при изучении богатой материальной культуры народов Дагестана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.